

Станислав Афонский

**Как я был
чиновником**

Станислав Афонский
Как я был чиновником

«Издательские решения»

Афонский С.

Как я был чиновником / С. Афонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833587-7

Герой ни сном ни духом не помышлял стать когда-либо каким-либо чиновником. Он был абсолютно уверен: все недостатки и нелепости в городе и районе происходят родом только из чиновничьих утроб и, чтобы исправить всё, нужно немедленно всех чиновников изгнать. Но 90-е годы были временем чудесных превращений, и наш герой, что называется «из грязи в князи», не вдруг, но дошёл до должности чиновника. Хотя сам себя таковым не считал и не признавал. Но, тем не менее, был... По должности.

ISBN 978-5-44-833587-7

© Афонский С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I. История с географией или «Из далека долго...»	7
Глава II. История без географии или кое-что о голове	12
Глава III. История выбора перед выборами или «Власть переменилась – скидовой сапоги!»	17
Глава IV. История начала борьбы или «Вихри враждебные веют над нами»	21
Глава V. История обострения борьбы или «Лучше один раз увидеть, чем сто раз проспать»	26
Глава VI. История одного предательства или «Одна голова – хорошо, а с туловищем – лучше»	33
Глава VII. История перерождения России от мала до велика	38
Глава VIII. История борьбы без правил (продолжение борьбы по правилам)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Как я был чиновником

Станислав Афонский

© Станислав Афонский, 2016

ISBN 978-5-4483-3587-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Город Клёво – город выдуманный, но с реальной историей, которую творили реальные люди. Эту книгу можно назвать художественно-исторической. Автор не просто рассказывает о событиях не такого уж и далёкого, но многими подзабытого, а кое-кем и искажаемого, прошлого – нет: он как бы приглашает читателя к разговору. К серьёзному разговору об истории, о жизни, о психологии людей, причинах и мотивациях их поступков, о пресловутой роли личности в истории... И о многом другом.

В присущей ему своеобразной манере Станислав Афонский с тонкой иронией говорит об очень серьёзных вещах. В этом ему помогают и персонажи его книги – Знающий и Любопытный, не только комментирующие события, но и спорящие между собой, с автором и даже критикующие его.

Автор и читателя приглашает к спорам, дискуссиям. Ибо только в спорах, а не в ссорах и сварах, рождается истина.

Жанна Пестова

Глава I. История с географией или «Из далека долго...»

Город Клёво, хоть и расположен на берегу Волги, но сказать, как это принято в традиционных печатных шаблонах, что он «живописно и привольно раскинулся на её берегу», лучше воздержаться. Берег действительно имеется, даже два, как и положено каждой приличной реке. Один из них, правый, достаточно живописен для того, чтобы расположить на нём санаторий «Веснёнки» и привлечь киношников, снявших в его окрестностях около двух десятков фильмов. Вдохновляет их и близость областного центра Верхнего Старгорода, до центра которого от административного фокуса города Клёво езды всего навсего полчаса даже на скромном развалюхе-автобусе. Не говоря уж о наглых иномарках, если повезёт не вписаться в пробку.

С поверхности реки город увидеть практически нельзя, даже привстав на цыпочки с верхней палубы теплохода. Можно проплыть мимо, особенно ночью, и не заподозрить, если не спишь, что находишься рядом с современным городом. О его наличии могут намекнуть только две водозаборные башни, похожие на крепостные сооружения средних веков, подозрительно глядящие на проходящие суда, да пара махин четырнадцатизэтажных домов, вытянувших шеи, чтобы заглянуть на реку. Возможно, они желали бы и отразиться в ней, да этажей всё-таки не хватило.

На самом берегу разлеглась только старая часть города. Внешний облик её мало изменился за последние сотни, а то и больше, лет. К волжскому откосу новое Клёво начало приближаться лишь в конце XX-го века, но вплотную к нему так и не подошло. Встали неподалёку всего-навсего несколько домов, отгородясь от края откоса так называемой парковой зоной и заключёнными в ней деревьями, выстроенными в шеренгу вдоль берега вопреки здравым парковым правилам вести аллеи, и людей в них, к реке перпендикулярно.

Справа и слева от недошедших до великой русской реки домов располагаются старые сады. В них доживают свой многотрудный век садовые будки, именуемые гордо дачами и даже «фазендами» – собственность первостроителей города. Святая собственность. Поэтому большие дома вторгаться на заповедную территорию права не имеют, несмотря на явное благообразие расположить город поближе к чистому воздуху и простору реки подальше от неизбежного смрада центральных улиц, забитых и набитых чадящими автомашинами, испражняющимися выхлопными газами, и выбросов Верхнестаргородского бензопромзавода. Но кто-то в начале пятидесятых годов придумал прямо противоположное и Клёво пошло от реки в сторону завода. И шло до тех пор, пока не упёрлось в деревню Черешенки – дальше некуда: деревню сносить нельзя, а за деревней река Кума. Когда-то очень рыбная, но обезрыбьевавшая в силу технического прогресса.

С точки зрения старушки истории город Клёво младенчески юн. В 2008-м году полвека. Молод, однако, только сам город. История же поселения с таким названием гораздо старше... Между прочим, в словарном запасе компьютера, с помощью коего набирается сей текст, слово Клёво отсутствует и он, компьютер, упорно подчёркивает его красной линией, как ошибку. Но ошибки здесь нет: есть и слово, есть и Клёво, и его место на карте. Хотя истолковывается само название города неоднозначно.

Унаследовано оно от названия старинного села. Поэтому, согласно закономерностям русского языка, оканчивается на – о. Как об имени среднего рода о нём должно говориться *оно*. Но в 1958 году село превратилось в город и посему о нём стали говорить *он*... Клёво – оно город, город – он Клёво... На этом игра слов не кончается. Несколько лет, то взрываясь, то угасая, громыхал спор: а что же такое, собственно говоря, означает слово Клёво? Откуда название есть пошло? Одни, вперивши указующий перст в небеса или в потолок, истово настаивают: название произошло от понятия красиво, хорошо, здорово! Дескать, была на месте города когда-то очень красивая поляна и росли на поляне сей роскошные цветы и необычайной вкус-

ности ягода-малина. Нигде более не встречавшаяся. Звали жители местные место сие клёвой поляной – вот и пошло. Другие ретиво возражают: врётё вы всё, такие разэдакие. Имя есть пошло от слова клевать – рыба здесь ловилась на удочку в невероятном изобилии и в неописуемых размерах. Её и по сию пору ловят таким образом. Не верите – сходите посмотрите. Клёво – от слова клёв! Нетути, миряне, кротко рекут третьи: слово сие от символа Иисуса Христа – рыбы, но не от того, что её здесь безбожно ловили, а от святости великой. Недаром же и храм Божий на берегу в старом селе стоит: крестились рыбаки и бурлаки, и песню пели: «А вот Клёво-то Христово – развесёлое село!» Так что не богохульствуйте, грешники беспросветные, и примиритесь с истиной единой, а истина всегда токмо едина, града нашего имечко святое от рыбы Божьей произошло.

«А почему, скажите на милость, рыба стала символом Христа?» – морща от усилий понять непонятное лоб осведомился некто Любопытный. «А потому... Это в книге... Как бишь её, написано очень доходчиво... Ага – „Камо идеши“ книга. Вот. То ли Станюковича, то ли Станкевича... Нет – Сенкевича, вспомнил» – блеснул эрудицией Знающий. «Камо идеши...» – ещё больше наморщился Любопытный, – «Это на каком же языке?» «Как на каком? На человеческом, естественно». «А почему человекеском, а не человеческом?» «Да по очень просто: если слово человек оканчивается на к, то и выходит – человекеский. Соображать надо, брат... Нет – не камо идеши... „Куда грядеши“... Есть – вспомнил правильно: „Камо грядеши“ книга называется. Прочитай её и узнаешь всё про рыбу Христову». «А какого Сенкевича?» – настаивал Любопытный. – «Того, который по телику про мир животных треплется?» «Темнота!» – возмутился Знающий. – «Про зверей да птичек Дроздов рассказывает. А книгу писатель написал, польский, когда никаких теликов да ящиков ещё никто не придумал».

Долго ли коротко ли времечко шло да тащилось, жил себе город да поживал, как вдруг понадобился ему герб. Вот прямо-таки позарез понадобился. Начальство конкурс объявило на лучший вариант главного символа города Клёва: вынь да полож. Взялись художники за карандаши да кисти беличьи и давай себе варианты изображать кто во что горазд. А во что-гораздиться-то? Да всё в те же варианты происхождения имени. Кто на гербе ягоду-малину нарисовал, кто цветы на поляне, кто удочку с крючком или поплавков, кто... А вот третьи «кто» удумали изобразить рыбу с крестом на спине или рыбу с крестом в брюхе, или рыбу на кресте или... Много чего с рыбой да крестом связанное. Даже просто крест без рыбы.

Тут встали на дыбы атеисты: не смей оскорблять наши атеистические взгляды и такие же достоинства! Не позволим! Нет кресту на гербе! Хоть с рыбой, хоть, тем более, без рыбы. Даейшь ягоду-малину: вкусно и красиво. Заспорили – спасу нет. Даже о том, какую рыбу изображать на гербе: карася, ерша, леща, а может сома или щуку?.. Кое-кто предложил кита – солидно и крупно. Возразили: кит – не рыба. Кто-то удумал акулу, но кто-то вовремя вспомнил, что акулы в Волге не водятся. Тут же предложение: а ежели запустить?.. А как же с исторической достоверностью – акулы-то всё ж таки в то время, когда село заселилось, в Волге не купались?.. «Да ну вас с вашими рыбами да крестами, – вдруг вмешался самый мудрый, талантливый и заслуженный художник города Степан Вазин. – У нас же завод есть. Градообразующий... Не в смысле осадков из тучи, а город из-за него построили. Вот завод и должен символом нашим стать». Сказал и вдохновенно изобразил на гербе технологическую колонну. Все, кто на том Заводе работал, в торжественном молчании воззрились на неё и патетически захлопали в ладоши, некоторые со слезами на глазах.

Посмотрел на колонну внимательно Геральдист, вздохнул и печально сказал: «Ребята. По правилам и обычаям геральдики принято изображение колонны считать символом мужского члена... Или фаллоса, если вам угодно называть сей предмет более прилично». «Нет, товарищи! Вы слышали?!, – мужественно и гордо поднялся с места Ветеран завода, – да это же сексуальный маньяк перед нами выкобенивается! Надо же – в технологической колонне член детородный мужской увидеть! Лечить тебя надо, болезный ты наш. Лечить срочно и беспово-

рогтно в специальной клинике». «Да не я это придумал, уважаемые мои! – побледнел Геральдик от ужасной перспективы. – Так в геральдических учебниках написано. Я же на факультете художников – оформителей учился...» «Да, видать, не доучился, – подхватил Ветеран. – Кроме каких-то там буржуазных геральдик есть законы человеческие – вот по ним и надуть жить. Пусть на гербе будет заводской символ. Кто за?» И все Ветераны единогласно, но молча, подняли вверх по руке. Некоторые по две.

Увидели клёвский городской герб специалисты-профессионалы из областного правительства, качнули головами: не принято на приличные гербы навешивать ни технологические чертежи, ни символы анатомических органов. Да что уж теперь поделывать.

Так и стал фаллос символом города Клёво. И получил титул самого сексуального города области. Неофициально и символически. Практически же каким был, таким и остался. Ни паломничества сексуально озабоченных мужчин в город, ни женщин такового же свойства до сих пор не наблюдается. Кавказцы, народ по слухам весьма темпераментный, приезжают, но с совершенно иными целями – подзаработать на шашлыках да на бизнесах или на разных работах. Кто до чего охочь и способен, и где работу найдут.

А как же с малиной – ягодой великой? Всё в порядке с ней: растёт, цветёт, плоды зреют и краснеют. Может быть, за символ города, может быть – по законам природы. Она, ягода сия, красуется на гербе района под копытами оленя, хвост свой задравшего... То есть, Клёвский район имеет два герба: районный и городской. Один краше другого. Или другой краше одного.

Клёво – город не велик – по размерам. От одного края до другого, шагая в среднем темпе, можно добраться всего минут за сорок. Если на машине, то и поменьше. Но называть его городком не решается никто. Дело не в величине – дело в достоинстве... Нет – не в том, что названо выше. От символов, скажем так, не зависящем. Но и не отрицающем. Генерал останется генералом даже если наденет ватник с пришитыми к нему генеральскими погонами, и даже без погон.

Клёво – город не только по своему статусу и названию – это город по своим плюсам. Один из них – не последний в Европе по известности и по мощности Бензопромзавод, он же Верхнестаргобензосинтез, он же покорооче ВСБС, он же впоследствии ЧЕСНОКОЙЛ, он же просто Завод – достаточно сказать, что работаешь на Заводе и всем сразу ясно где и понятно кто. Завод стал трамплином, с которого сиганули в большую политику люди, занявшие в правительстве страны высочайшие места. Правда, поговаривают – не свои.

В Клёве действует уникальнейший комплекс, единственный не только в области, и не только в России, даже не в целом мире земном, но, по убеждению некоторых его поклонников, во вселенной – во всяком случае никто ещё не смог доказать противоположного – комплекс Вселенской Академии румбо. К латиноамериканскому танцу румба имеющий отношение только в том, что его исполняют на конкурсах спортивных танцев, проводящихся в этом же комплексе. Румбо – рукопашный мордобой без оружия. То есть просто кулаками. Можно и ногами. Но это уже несколько иная школа изошрённой борьбы – так называемая «пьяная обезьяна». Они, обезьяны, как известно четверорукие – у них ноги называются руками и таким образом их удары можно приравнять к рукопашным.

Для морально – духовного равновесия, а также для развития, в Клёве создан так же единственный и, не побоимся этого банального слова, неповторимый тоже во всей Вселенной, Литературный Центр. Со всех концов мироздания непрерывного звездопада знаменитостей до сих пор в него ещё не зафиксировано, временно, но свои звёздочки в нём вспыхнули и принялись призывно подмигивать пространству – вдруг братья по разуму увидят и прилетят для обмена опытом в неодолимую силу центростремительную – центр, всё-таки... Впрочем, мы слегка отвлеклись.

Город впечатляет. Даже москвичей. Возвращались однажды туристы из похода по лесной речке на автобусе по шоссе, через Клёво проходящем. Большинство туристов – столичные обитатели. Ехали, пели, болтали языками, смотрели по сторонам, кто-то спал среди общего гомона. Въехали в Клёво. Мимо окон поплыли громады современных зданий, памятник на площади имени памятника... И тишина сковала автобус. Все уставились в окна и даже спящие почему-то проснулись, растопырив удивлённые глаза свои. Должно быть от наступившей тишины. Ну, чем можно поразить москвичей? Памятники они повидали всякие и разные, и не только тому, чем нетленный образ стоял по всей России с протянутой рукой, указывая ею в разные стороны, и уж конечно не архитектурой. Возможно, после прочтения названия города ожидали увидеть в нём нечто действительно невероятно клёвое, и поразились, не увидев. Возможно, не ожидали встретить среди поля чистого вполне современный город, не доезжая до областного центра: ведь многие районные центры России похожи на большие деревни, а тут девятиэтажные дома, официальное здание с мозаичным панно на стене, изображающий герб СССР. Есть в Клёве что-то такое...

Не так уж он и прост – этот провинциальный районный центр. Недаром же его и в дальнем прошлом называли развесёлым даже в песнях:

Клёво – красное село,
В нём живётся весело!

Клёво – стопка полная,
В ней вино ядрёное.

Правда, случались и другие слова, несколько порочащие славу села, но их, скорее всего, придумал кто-нибудь с очень большого бодуна и в далёком прошлом, когда тёмные силы царизма их, похмельных, злобно гнели:

Клёво – чарка клёвая —
В ней вино хреновое.

В более позднее, от прошлого, и менее раннее, от настоящего, время поплыли по-над Волгою иные песни:

В Клёве нем привольно жити:
Пили, пьём и будем пити.

Так приятней жить на свете
По Владимира завету.

Тут, однако, мнения опять разошлись: какой такой завет? Какого такого Владимира? Часть клёвчан уверена: естественно, – того, кто Вождь всего пролетариата – его, пролетариат, как раз питие и соединяет во всех странах. При этом никто не смог вспомнить ни одной цитаты Вождя о питии. Кроме, пожалуй, той, где говорится об определении сознания питием... Но и здесь нашёлся всезнайка, ошибку заметивший и напомнивший, что не питие определяет сознание, а бытие, и что автор этого открытия не Володя, а Карл, который Маркс. Ну, тогда завет принадлежит Владимиру Красно Солнышко: «На Руси веселие пити – так тому и быти». И вновь кто-то возразил: «А и не говорил такого великий князь – Руси креститель – добропорядочен был, тверёз и богобоязнен. Эти словеса порочные кто-то в бреду пьяном себе пригрезил и на князя Владимира свалил». «Окстись! – стукнул по столу кулаком Знающий. –

Не так уж и гладок был князюшка наш Владимир. И женщин любил до беспредельности сексуальной, и за воротник закладывать не слабак. Но вот насчёт веселия по всей Руси – этого, помнится, не припомню...»

В общем и частном говоря, народ в Клёве не пьёт. В смысле не употребляет во такое уж зло ни водки, ни вина, ни... Хотелось написать и пива. Но пива употребление по количеству скоро приравняется к Волге матушке реке. Прочий же алкоголь употребляется от случая к случаю – всё от случаев зависит, в том числе и от тех, когда случаев не случается вовсе. Есть, конечно, и пьющие – куда же без них – кого тогда к трезвости призывать? С кем бороться? Но их по пальцам пересчитать. Если выйти с такой благородной целью вечером на бульвар Пира. (Между прочим, бульвар от слова буль произошло – для исторической справки). Пальцев, возможно, придётся подзаныть у знакомых и родных, но явление это таким уж массовым назвать – значит преувеличить. Ну, сидят на том бульваре на скамеечках, ну – пьют. Но не все же – часть и просто так гуляет мимо пьющих... А потом местами меняются: выпившие гуляют, а гуляющие пьют. И опять же не все. Меру, господа, знать нужно в определениях количества. Чтобы не впасть в преувеличения и не опьянять разум качеством.

А потому ли пьют некоторые местами кое-где иногда, к сожалению, и всё ещё, что такие они порочные от природы своей – от генов проклятых, от родителей в наследство доставшихся? Что если жизнь вокруг сеет в души постоянные стрессы направо и налево и сверху вниз и наоборот такие, что нормальный человек стремится приглушить в себе некий смутный зуд и чесание, а самый краткий путь к успокоению – питье. Пытаться сию потребность искоренить – всё равно что тужиться вытереть человека полотенцем насухо, не вытаскивая его из воды. И никакие тут Володи, Ильичи и Карлы ни при чём.

Глава II. История без географии или кое-что о голове

Естественной принадлежностью каждого уважающего себя города являет себя его глава. Именуется он разнообразно. В зависимости от политических, экономических, общественных и прочих обстоятельств. От моды в том числе и от эволюции. Его называли, например, председателем исполнительного комитета. Исполнять он должен был указания, рекомендации и решения другого председателя другой, как в те времена принято было говорить, «ветви власти». Называли её Городским Заветом людских депутатов. Или просто и скромно – Горзавет. Происходила некоторая путаница в статусе глав города: с одной стороны, предисполкома неофициально считался главой города, но над ним возвышался председатель Горзавета, указующий ему где, как, что, почему и когда. Но был ещё один орган – Горкомправп: городской комитет правящей партии (не правящих, кстати, не имелось). Его возглавлял секретарь и никому не было секретом, что именно он-то и руководил, и управлял обеими «ветвями» – то есть, главой города фактически и был. При этом ни за что лично не отвечая – всю ответственность, прежде всего перед первым секретарём Горкомправпа, тащили на себе председатели обеих «ветвей». Очень удобное сочетание для секретаря номер один: за все успехи слава доставалась ему, а за все промахи отдувались председатели. Всё в сумме называлось Заветской властью до тех мрачных пор, пока она не окончилась в один, совсем не прекрасный, прекрасный осенний день.

Как в популярной оперетте: «Власть переменялась – скидовой сапоги!» Скинули и председателей исполкома и Горзавета. Самого Горзавета не стало тоже. Вместо него придумали сперва Земельный комитет или Земком. Включили в него избираемых депутатов. И, чтобы власть продолжала оставаться якобы людской с человеческим лицом, и в некотором роде коллективной, удумали объединить зеков в общее собрание – Земкское собрание... Но так стало потом – после потопа реформ. А мы вернёмся к тому, что было до «потопа» – потопа.

Было то, что власть в городе по существу не избиралась. Людей просто ставили перед фактом: с такого-то числа такой-то человек станет для вас оригинальным подобием отца родного – председателем исполкома. Никакой политической борьбы не было и быть не могло. Выборов, в подлинном смысле этого слова, – тоже. Правящей и направляющей, и руководящей, и прочая прочая партии Страны Заветов, ППСЗ, она же коммунистическая, она же, по мнению некоторых, комунистическая – на грани мистики, бороться было не с кем и поэтому она всегда выходила абсолютным победителем без поражений во всех случаях неборьбы внутри страны. Даже если что-нибудь её поражало – по существу. Но существо – была она сама, и по этой простой причине всякое существо оказывалось не существенным, кроме неё самой. Выборы превращались в примитивное голосование без альтернатив. Критика в адрес руководителей района со стороны кого бы то ни было категорически допускалась только в местах общего пользования, для семьи, – на кухне или, ещё лучше, там, где очень хорошо и конструктивно производится материальное воплощение дум – в туалете.

Так продолжалось вплоть до Великой Перестройки всего и вся в стране. Да и при её начале долгое время не наблюдалось. Ведь все: и председатель Горзавета, и председатель исполкома одного олицетворяли Заветскую власть и поэтому недовольство ими являлось антизаветским со всеми из одного понятия вытекающими... Критиковать, ломать, стричь, обрывать листья с обеих «ветвей власти», выбрасывать их или жечь могло только партийное руководство. Делалось такое только в исключительных случаях и очень деликатно: есть, мол, отдельные недостатки, они будут несомненно и непременно устранены, а в целом по стране и по району, и по городу всё успешно развивается и преуспевает, и все мы идём верной дорогой к своему светлому будущему. Кто самым бессовестным, и несознательным, образом этому не верит – пусть посмотрит на плакаты, расставленные вдоль всех магистралей: на них портреты нашего

Вождя всех пролетариев и чёткие его слова: «Верной дорогой идёте, товарищи!» И пусть устыдится своей тёмной неправоты.

В живом воплощении написанных на плакатах слов о *верной* дороге можно запросто убедиться, прочитав страницы дневника одного из жителей города Клёво.

«5 октября 1989 г. В нашем доме тепла ещё нет. Жжём электричество в „камине“. В продаже нет никаких обогревающих агрегатов. Утюгов тоже нет... Хоть бы ими согреться. Холодно в школе №4, где учится Таня. Холодно и в детском садике, куда мы водим Дину».

«17 октября 1989 г. город по уши в грязи. Смотрю по ТВ на зарубежные города, которые нам не показывали до перестройки, поражаюсь их чистоте и ухоженности. У нас, как всегда осенью, там и сям началось укладывание труб в траншеи и рытьё всевозможных канав. Некоторые улицы стали не только непроезжими, но и буквально непроходимыми из-за грязи...

В сентябре в Клёве забастовка совершилась. Бастовали шофера автопредприятий по поводу резкого снижения зарплаты, плохих условий работы и плохих же жилищных условий.

Один из директоров одного из автопредприятий в адрес забастовщиков изрёк: «Это – сброд. Давить их надо». (Фамилия этого директора известна в городе – его многие знают, как очень «доброе человека», депутата Зекства).

«23 марта 1991 года. Наша бабуля с раннего утра, ещё семи не было, пошла в очередь за хлебом. Сейчас 9 часов 36 минут. Она всё ещё в очереди. С ней Дина проводит свой законный день весенних школьных каникул: без неё бабуле «в одне руки» дадут только одну буханку ржаного хлеба, а нас в семье пять человек. Таня ходила в молочный магазин за молоком. Молока нет... Зато есть магазин, слава КПСС.

Опять очереди за хлебом, громадные и терпеливые.

Вчера по областному ТВ объяснили причины этих очередей. Первая, разумеется, – «возросшая потребность населения» – «ажиотажный спрос». Вторая причина... И не причина даже, а так себе – пустячок: нехватка зерна и муки...

Вчера же в нашем тресте «Клёвومهжрайгаз» «давали» итальянскую обувь по заранее составленному списку и заранее собранным деньгам. Обувь получена через благодетеля – Бензопромзавод. Источник его благодеяний – экспортируемое за рубеж горючее. Из очень компетентных источников известно: дело не обходится без контрабанды, но последствий для генерального директора Завода нет.

(Кое-что мне известно, как депутату Горзавета)».

8 апреля 1991 г. Очень весенняя установилась погодка над нашим погрязшим в грязи городом. Грязь везде. Под ней даже асфальта на тротуарах не видно...»

Интерьер магазинов не заслоняли докучливые покупатели – нечего было покупать. Прохожие празднично не шатались по улицам, а только по неотложным делам – обильная грязь налипла на обувь – портила её, а обновить было нечем. Жители не сидели, расслабившись, перед телевизорами, а бодро ёжились под тёплой одеждой – холод в квартирах призывал к поступательному движению вперёд. Люд ругался и возмущался, но за годы заветской власти и к подобным явлениям, и к собственной ругани привыкли, как к норме жизни. Всё равно от брани в четырёх стенах никакого толку. Только душу отведёшь... Куда отведёшь? Зачем? Прямых обвинений в адрес руководящих персон разнокалиберного ранга через средства так называемой массовой информации, через листовки и митинги ещё не имелось. Всё это было где-то

в будущем. А пока страна продолжала идти всё той же «верной дорогой». Вскоре, когда эта чудесная дорога привела к тому, что стало происходить в ней к концу 80-х годов, те, кто управлял сим путешествием в будущее по намеченному непогрешимой партией курсу до 1991 года, принялись красноречиво утверждать: в России всё рухнуло только в результате реформ, начатых после девяносто первого года – после гибели правящей партии. До того народ ежедневно кричал этой партии славу, потому что всё в стране шло на высочайшем уровне и имело устойчивую тенденцию подниматься ещё выше.

В августе 1991 года вспышкой короткого замыкания блеснул и тотчас же угас, перегорев, «путч» ГКЧП.

Из дневника того же автора. *23 августа 1991 года. Аббревиатуру ГКЧП Денис Николаев расшифровал так: государственная коммунистическая чекистская партия».*

На площади Пира возле аптеки все три дня «путча» стояла плотная масса людей – митинговали против ГКЧП, объявившего себя хозяином страны, кто только в ней не хозяйничал, и против возвращения к власти коммунистической партии. Были и сторонники гекачепистов. Кто-то из толпы гаркнул: «Да ведь Янаев – это же наш родной земляк!» Освистали: «Знаем, знаем этого пьяницу!»

В первый же день путча областная газета, орган Правящей партии, с торжеством опубликовала статью против религии, вновь назвав её «опиумом для народа». Закоренелые атеисты посчитали, возликовав, что вновь наступают их славные времена освобождения человечества от церковного влияния.

«Путч» подгадали как раз к дню, намеченному для подписания Союзного договора, который мог сохранить великую страну в целости. Сразу же догадка: какие-то силы хотят сорвать подписание и развалить Союз. И сорвали, и развалили.

Первая после путча сессия Городского Завета была названа внеочередной. Необходимо было обсудить ситуацию и как-то на неё прореагировать. Решили проявить лояльность и действия путчистов осудили... После того, как они были подавлены. Перед перерывом в работе сессии демократ номер один Клёвского района Олег Полощук произнёс объявление: депутаты «на демократической платформе» собираются в кабинете таком-то. Депутатов таких в Горзавете имелось с десяток. Они свободно умещались в том указанном кабинете в допутчевые времена все и даже место оставалось. На этот раз не уместились: на «демократическую платформу» вдруг полыхнули желанием встать депутатов с полсотни. Даже те, кто был известен, как ярый член коммунистической партии, демократов ругаячи через шаг или на каждом – по обстоятельствам.

Вскоре стало известно, что сразу же после подавления путча демократ, без номера, правда, Ефим Немцын помчался в Москву к самому Президенту и в нужный момент преподнёс себя почти на блюдечке с золотой каёмочкой в количестве и качестве самого преданного режиму и передового борца с путчем в Вехнестарогородской области. Вернулся в свою область Ефим заместителем Президента и в скором будущем был избран губернатором той же области.

Потом уже к нему, заместителю Президента, гордой и мужественной поступью вшествовали клёвские демократы Олег Полощук и Юрий Таткин, и представились неукротимыми противниками путчистов – они действительно организовывали все митинги в Клёве. И – получили должности. Полощук возглавил департамент сельского хозяйства, будучи историком по высшему образованию и инструктором районной молодёжной организации по прежней работе, а Таткин – департамент же, но внешней торговли, высшего образования не имея вовсе, но зато с опытом мелкого предпринимательства. История пребывания их на государственной службе оказалась краткой и следов прогресса не оставила – их раскритиковали и сняли. Но не на фотографии для памяти восхищённых потомков. И чисто демократическим путём – по протестам

«снизу» и статьям в областных газетах, а не по воле высшего руководства, как такое случалось раньше в крайне исключительных случаях. Издевались над хорошими парнями за то, что они занимали высокие должности не по профессиям и не по образованию. Возможно, что и справедливо. Но. Те, кто встал «у руля» страны после переворота 1917 года, тоже очень далеки были от образования ни «штурманов», кораблей, ни их «капитанов», да и их «улыбки» взамен флагов корабля были далеко не всегда признаком смелости, «покоряющей моря». По их примеру, в уже далёком от путча времени, должность министра обороны страны занял сугубо штатский человек, воинственно торговавший, мебелью...

«Протестую! – внезапно и гордо встал во весь рост Любопытный, стукнув для пушного эффекта кулаком в свою выпуклую грудь. – Протестую против слов „переворот 1917 года“! Так хотят приуменьшить значение, всемирное и всемерное, Великой Октябрьской Социалистической революции! Какая это, дескать, революция – так себе – переворотик. Зачем? Чтобы демократов оправдать?!» «Ой, да не пылил бы ты, пылкий „революционер“, тоже мне нашёлся, – поморщился Знающий. – Словом переворот о событиях октября семнадцатого года пользовались сами большевики довольно много лет. Троцкий – был такой: знаешь?» «Знаю, конечно, знаю – правая рука левой революционной ноги Ленина», – выпятил грудь колесом Любопытный. «Это как?.. Ну, да ладно. Он, уж это-то ты не станешь отрицать, книги писал. „К истории русской революции“, например. И в этой книге слов о „революции“ семнадцатого года в октябре месяце – нет. Есть слово переворот. Так что, вот – протесты по этому поводу, пожалуйста, – к нему и к большевикам». «А почему же вдруг стали называть иначе?» – не сдавался Любопытный. «А потому что потому оканчивается на „У“: у нас слово переворот подразумевает что – перемену власти во дворцах. Вот Павла первого ухлопали вилкой – власть переменялась – свершился дворцовый переворот, а тут перевернулось всё в целой стране: как это назвать, чтобы звучало помощнее? По образцу и подобию французской революции. Вот и придумали три слова и два из них – с заглавной буквы. Но давай вернёмся к рассказу о Клёве».

23 августа 1991 года страну потряс указ Президента «О приостановлении деятельности коммунистической партии Страны Заветов (КПСЗ)». Не о прекращении, а приостановлении, то есть давалась надежда на будущее возобновление.

Дневник. 26 августа 1991 года. Понедельник. Подходя к зданию райкома ещё издали увидел на красной вывеске с надписью: «Городской комитет КПСЗ» наклеенную какую-то бумажку. Бумажка оказалась объявлением: «Помещение горкома опечатано в силу президентского указа №79».

В груди появилось какое-то странное и острое чувство восприятия чего-то очень необычного и важного. Внутри здания перед опечатанной дверью, ещё вчера ведущей в святая святых города и района, растерянно переминались с ноги на ногу бледные чиновники горкома партии. «У нас же там наши вещи! Документы! Что же делать?» Делать нечего – горком закрыт и не потому, что все ушли на фронт, а просто закрыт. Можно было ожидать и действительного ухода на фронт борьбы с врагами коммунистической власти её верных рыцарей. Однако «рыцари» вели себя благоразумно, воинственности не обнаружили, забрала защитные не опустили, щитами не брякнули, мечами не сверкнули, на фронт не пошли, а тихохонько разошлись по домам. Вещи свои и кое-какие документы всё-таки из-за опечатанных дверей утащили, каким-то образом. Дверей в горкоме было много и какую-нибудь кто-нибудь запереть позабыл. Или вспомнил, что нужно позабыть...

Система рухнула, как подгнившая крепостная башня. Но и перед её падением верёвки и наручники идеологии, стягивающие свободу самовыражения, начали ослабевать. Узлы раз-

вязывались и ослабевали. Если руководители района так или иначе поддерживали ГКЧП, то у населения уже сложилось совсем иное настроение. Люди поняли: теперь можно протестовать открыто даже против действий даже правительства. Даже издеваться над ним. Даже над Президентом. Не говоря уж о местном начальстве. Это вам не анекдотики из под полы рассказывать про генерального секретаря Правящей партии: теперь можно встать во весь рост и в упор сказать: наш Президент пьяница, валяется голым под забором и падает с моста, не угадав на него обеими ногами потому, что не может понять: который из двух ему мерещится спьяну, а который настоящий. Да всё, что угодно теперь можно сказать. И сделать.

После указа Президента, решившего судьбу Правящей партии далеко не в её пользу, политическая и моральная обстановка в стране резко изменилась. Исчезла беспредельно могучая сила, державшая всё и вся мёртвой хваткой, всё и вся решавшая, всё и вся направлявшая по «единственно верному пути», в чём она десятилетиями пыталась убедить слушающих главным образом словами и «наглядной агитацией» в виде плакатов и лозунгов. Закрылись обкомы, райкомы и горкомы Правящей. Вынуждены были оставить свои, казавшиеся вечными и незыблемыми ещё совсем недавно, посты партийные секретари всех рангов, калибров и дальнобойностей. «Ушли» и многих председателей исполкомов – по политическим, идеологическим, экономическим и прочим причинам...

Глава III. История выбора перед выборами или «Власть переменилась – скидовой сапоги!»

В Клёве осенью 1991 года на должностях председателя Городского Завета народных депутатов и председателя исполкома онога в едином лице, в результате бурления и клокотания обстоятельств, вдруг оказался всего один человек – Фёдор Иванович Лапкин, высокий человек с приятным лицом провинциального интеллигента средних лет, соединив в себе и украсив себя, таким образом, обеими то ли ветвями, то ли рогами, власти. Долго такое украшение оставаться на одном человеке не могло, и вскоре естественно встал на дыбы вопрос о кандидате на пост уже не председателя исполнительного комитета при Горзавете, а главы администрации района. Должность, не имевшая аналогов во всей предыдущей истории Клёвского района. Руководитель администрации получал гораздо большую самостоятельность при решении всех вопросов, и ответов на них, имеющих отношение к городу и району, но и большую ответственность за результат. В то же время сохраняя и некоторую зависимость от власти представительской.

Полной независимости не было потому, что полномочия, права и статус народных депутатов, и самого Горзавета в те времена были очень высокими. Их перечисление на страницах газеты занимали шесть полос. В Клёвском районе от решений Горзавета зависело утверждение кандидатуры председателя исполкома, а позднее – главы районной администрации, директоров департаментов: финансов, образования, культуры, здравоохранения и председателя спортивного комитета. Горзавет утверждал бюджет района и его расходы по статьям. На запросы депутатов по всем, интересующим их проблемам, все руководящие работники исполкома или администрации обязаны были дать ответ не позднее, чем через месяц. Пренебрежение к их высочествам депутатам в любой форме чревато было отстранением от должности... Правда, это пункт только чреватостью и оставался, не вооружаясь практикой, но всё-таки угрожал.

Позиция председателя Горзавета выглядела более выгодной и благородной: он ставил перед исполкомом задачи, мог требовать их неукоснительного выполнения, утверждал или не утверждал с первого захода бюджет, принимал отчёты о работе исполкома, и при всём при этом не нёс прямой ответственности за состояние дел в городе и в районе. И Фёдор Иванович предпочёл оставаться на том посту, к которому уже привык он сам и пост к нему... Хотя логично на должности руководителя района смотрелся именно Лапкин – он уже находился в курсе всех проблем и «лапку» имел, как у кошки: мягка, но с коготками – сродни тигриной... На занимаемый пост его избрали депутаты и это было прекрасным поводом встать в позу и отказаться от должности другой. Пусть более почётной и весомой, но имеющей и свойства иного сорта: знание проблем и их решение – далеко не одно и то же.

Нужен был человек, не боящийся неизбежных трудностей, сложностей, неурядиц, способный справиться если не со всеми, без исключения, задачами, то с самыми необходимыми и неотложными. И – не пугающийся ответа за нерешённое. Впервые проблема поисков такого универсального человека встала не перед партийным аппаратом, всегда имевшего под рукой взращённого в своих родных рядах кандидата на любой пост. Впервые человек, который должен был стать первым лицом района, не назначался сверху. Впервые вводилось понятие глава районной администрации вместо председателя исполкома. Впервые в постсоветской России вводилась должность мэра. Впервые человека, который мог бы совместить в себе одном весь набор необходимых для новой должности качеств, должен был найти, а затем и утвердить на своей сессии Клёвский Городской Завет народных депутатов.

Хозяйство будущему мэру предстояло принять большое, сложное, нельзя сказать, что идеально отлаженное, и капризное. Проблем имелось достаточно для последующего уличения

мэра во многих грехах, оставшихся от светлого прошлого. Политическая обстановка в городе напоминала шкуру ежа с вкраплениями пучков игл дикобраза. Настроение людей ему под стать. Коммунисты, нежданно-негаданно лишившись необъятной власти, чисто по-человечески, а подавно и политически, к новым властям могли относиться только ревниво, ехидно и злорадно, даже исподволь желая им всяческих неудач и провалов: поглядим, мол, как вы теперь справитесь без нас. Отрицательные результаты наглядно показали бы населению преимущества Заветской власти, как власти коммунистической, и пагубные качества пришедших на их место демократов. Им вскоре те же коммунисты несколько переменили наименование: стали называть «дерьмократами». Правды ради, и само слово без экзотических изменений, в отношении некоторых, так себя назвавших представителей новоиспечённой власти справедливо будет взять в кавычки. Но об этом несколько потом...

25 сентября 1991 года в одну из комнат здания городской администрации, где бурно заседала группа депутатов «на демократической платформе», в седьмом часу вечера буквально ворвалась толпа разъяренных жителей восьмого микрорайона. Среди возбуждённых лиц мужчин светились гневом глаза женщин над завёрнутыми в пелёнки грудными детьми. Платформа затрещала, но выдержала. Изготовившиеся к обороне демократы успокоились, услышав о цели ворвавшихся. Целью был протест: во всём микрорайоне уже три месяца нет горячей воды и есть серьёзные опасения предполагать, что долго не будет и тепла – зимние холода подпирают, а в домах грудные дети.

Поняв, что бить не будут, депутаты-демократы оживились и дружно поднялись на защиту гражданских прав народа на горячую воду и тепло в квартирах. Прежде всего позвонили главному, по мнению толпы, виновнику всех бед – Федору Ивановичу Лапкину. Видно было даже по телефону, как побледнели его голос и лицо. Но предгорзавета оказался человеком мужественным. Несмотря на тусклость лица, он довольно скоро вышел на трибуну актового зала и бледный голос его окреп перед другим лицом – толпы. Он заверил это лицо: «все меры примем – будет и вас и вода горячей, и батареи такими же в самом, по возможности, близком времени». Лицо толпы смягчилось.

На следующий день немедленно и срочно состоялось внеочередное заседание исполкома – совместно с выдержавшими первый удар депутатами-демократами. Официальная районная газета «Маячок» 1-го октября 1991 года: «Работы по подготовке к зиме ведутся крайне плохо... Из 600 с лишним домов, в которые должно быть пущено тепло, отапливаются сегодня лишь 400». Эти слова заместителя предгорзавета Матвея Юрьевича Куранова были чистой правдой. Оставалось неясным одно: что это за дома, не попавшие в число шестисот и названные «лишними»? Но прямо и самоотверженно названы причины задержки пуска тепла и горячей воды.: плохое материально-техническое снабжение и такая же по качеству организация работ по подготовке города к зимнему сезону. По традиции и привычке зима в Клёво нагрелась именно в то время, когда её никто не ждал – то есть, зимой. Кроме граждан, лишённых некоторых благ цивилизации. Для возвращения их в блага исполком создал «Оперативный депутатский штаб по содействию организации подготовки жилого фонда и коммунальных объектов города к работе в зимних условиях. Короче и проще – «ОДШПОСОПЖФКОГОРА-ЗИУС». Далее «Маячок» утешал граждан информацией о членах штаба поимённо и количественно: шесть депутатов под председательством Станислава Козлова, вовремя вспомнившего где можно взять трубы для замены вышедших из строя. Почти все – твёрдо стоявшие на «демократической платформе» в виде незыблемого объединения.

Этому же объединению Горзавет поручил взять на себя щекотливую задачу поиска кандидатов на должность главы администрации Клёвского района. Озадаченных и озабоченных набралось одиннадцать. Лидерами среди них стали: Денис Николаев, Алексей Липин, Олег Полощук и Владимир Врублевский. Самой же экзотической фигурой оказался Сергей Жари-

ков – курсант военно-командного училища, совмещавший учёбу военному делу с депутатством в Горзавете и мирным сотрудничеством в одной постоянной депутатской комиссии с начальником этого же училища генерал-майором Чмыревым на абсолютно равных правах и безусловной демократичности.

Поисковая группа изначально приняла решение не обращать внимания на бывших, и настоящих, работников аппарата прежнего исполкома, подозреваемых депутатами в поддержке ГКЧП. Не из соображений лояльности, а по причине несовместимости позиций и возможных осложнений по работе в будущем. По этой же причине отверглась кандидатура Лапкина. Да и с его стороны не было никаких телодвижений в сторону кресла мэра. От самого названия этой должности его коробило. Так же, как от звуков голоса тогдашнего премьер-министра Егора Гайдара, не говоря о его манере говорить. «Он всю Россию прочмочает», – морщился Лапкин. Но мог бы претендовать на должность мэра не без успеха. Депутаты скорее всего поддержали бы именно его.

Работники аппарата райкома бывшей Правящей партии даже не подразумевались. Не из каких-то враждебных чувств, а потому, что слишком свежи были в памяти приёмы и результаты их далеко не праведного руководства. Выбирать решили среди клёвских руководителей предприятий: и опыт хозяйственный, и работа с кадрами, и с производством – всё пригодится будущему мэру.

Среди депутатов, вошедших во временную комиссию по выборам главы администрации, находился лишь один человек, имеющий какой-то опыт вращения в среде руководителей города и района – Олег Полощук, подвизавшийся некоторое время на почётной должности инструктора райкома ВЛКСМ и по этой причине относившийся крайне саркастически ко всему партийному аппарату вообще и к каждому его «винтику» персонально. Был десятка два лет членом Правящей и Денис Николаев, тоже не очень-то жаловавший бывших своих «партайгеноссе». Все другие впряглись в активную общественную работу в районном масштабе только после избрания депутатами Горзавета.

После вдумчивого вникания в перечень тех или иных руководителей клёвских предприятий и учреждений, споров об их предполагаемых, и существующих, деловых и моральных качествах решили: лучшего мэра, чем директор УМ-5 Михаил Иванович Карельский, быть не может и не должно. Всем хорош: опытом, умом, способностями и авторитетом, статью, ростом и лицом. Пригласили кандидата на заседание, расхвалили, сделали официальное предложение. Михаил Иванович похвалы терпеливо выслушал и попросил времени для обдумывания, взвешивания и ответа. Выполнив все процедуры, то есть, взвесивши и обдумавши, ответ дал на следующем заседании. Очень многословный, но суть которого можно выразить кратко так: «Спасибо за оказанную честь, но – нет, потому что сомневаюсь». Да и было в чём...

Морока началась вновь. Менее сомневающимся и более уверенным в себе кандидатом стал Виктор Иванович Ясных – вышедший на пенсию начальник пожарной части Завода. Плотный сложенный человек с очень добрым, приветливым и умным, что более важно, лицом. Внешние и внутренние качества, тем не менее, не помогли. Сам Ясных не отказывался – отказали члены комиссии: хоть и пожарный, но – офицер, стало быть – зашорен службой в узкой специализации, а мэр должен иметь более широкий кругозор во всех сферах жизни города и района.

Третьим кандидатом стал сам себя выдвинувший Алексей Иванович Липин, рыжеватый мужчина под шестьдесят с орлиным носом на лице актёра в роли пирата, депутат, считавшийся среди участников «демократической платформы» демократом номера два Клёвского района. Странно взглянули на него члены депкомиссии: человек хороший, но очень уж темпераментный и временами чересчур взвинченный. Но зато принципиальный, вдумчивый и въедливый в конструктивном смысле этого слова. Опять же – демократ на твёрдой платформе... Не пошат-

нётся даже при сильном шторме. Только вот вряд ли он выдвинулся по своей собственной инициативе – не просматривается ли за ним более солидная фигура генерального директора Завода Юрия Егорищева? Фигура сия, безусловно, имеет интерес видеть на ключевом посту района своего верного подчинённого – почти самому и стать «мэром». Отрицать Алексея Ивановича не стали, оставив как альтернативу. Главной же фигуры найдено не было. Не просматривалась ни в ближайшем, ни в дальнем пространстве.

Казалось, комиссия забрела в тупик и вот – вот не оправдает возложенного на неё высочайшего доверия. Без мэра Клёво не останется, но он уже не будет делом совести и стараний депутатов. (Впоследствии выяснилось: предполагалась ещё одна, весьма весомая кандидатура, но оглашать её почему-то воздерживались).

Где-то в середине ноября 1991 года кто-то из депутатов, кажется, это был Олег Полощук, на одном из заседаний группы, напомиравшем потуги выбраться из вязкого болота, вдруг просветлел лицом и свежим голосом воскликнул: «Эврика! Нашёлся! Есть в Клёве очень клёвый, умный, порядочный и трудолюбивый, грамотный и образованный человек. Ему народ доверял уже дважды: избирал народным судьёй и народным же депутатом областного Завета. Кроме того, он дружит с самим Немцыным. И трудится аж в четырёх постоянных депутатских комиссиях. Лучшего нам не найти!» Кто же этот замечательный человек, единственный и неповторимый? Это – Владислав Иванович Волик.

Кто-то вспомнил: судья этот имеет в Клёве очень хорошую репутацию – многим помог добрыми делами. Кто-то фамилию эту услышал впервые. Ну, что ж, – давайте поглядим, послушаем. Там оно и видно будет.

Приглашать Волика на встречу с комиссией и говорить зачем нужна встреча сия отправились Полощук и Врублевский. Приглашали и говорили не один раз. Волик колебался. Наконец, встреча с депутатами состоялась. Судьи, тем более умные, говорить умеют и знают что. Тем более те, кто выдерживал выборные марафоны и не вылетел из седла. Вопрос был решён: предложить сессии Городского Завета избрать Владислава Волика главой администрации Клёвского района.

На первой встрече депутатов с будущим мэром присутствовать мне не довелось – занят был какими-то делами. Помнится, разбирался с бесконечными жалобами преподавателей ПТУ №36 на своего директора... О персоне Волика до столь знаменательного события в жизни города и его населения я не только ничего не знал, но и фамилия его была не знакома. Судьба моя судебных дел в то время миновала – я, в свою очередь, миновал всех судей. Тем не менее, доверяя своим коллегам по депутатскому корпусу, к их выбору присоединился.

Глава IV. История начала борьбы или «Вихри враждебные веют над нами»

С Олегом Полощуком к ноябрю 1991 года у нас сложились отношения не вполне тёплые даже для насквозь промёрзшего пингвина. Иногда не только спорили, но и ссорились. Он, высокий худощавый парень с прямыми тёмнорусыми волосами вокруг обширной залысины и продолговатым внимательно умным лицом, не мог, всё-таки, быстро избавиться от выработанных в райкоме комсомола стереотипов... Кажется, он даже в партии состоял. Я же членом Правящей никогда не был и от работы в райкоме комсомола в своё время наотрез отказался. На окружающее мы смотрели одинаковыми глазами, но через разные призмы. Причиной ссор, не частых – надо сказать, стало несоответствие мнений в деле о конфликте, разгоревшимся диким пламенем в политехническом училище. Полощук, для ублажения агрессивно настроенных преподавателей ПТУ, «пожирателей директоров», как их называли коллеги, настроен был убрать во что бы то ни стало директора училища. Я же видел в этом рвении коллеги по депутатству всего лишь жажду популизма: распутывание змеиного лабиринта интриг, ползущих в училище, серьёзных причин для увольнения директора не обнаружило.

Дневник. 18 ноября 1991 года. Г. А. Золотников (мы оба состояли в одной постоянной депутатской комиссии) посоветовал мне с Полощуком не ругаться, потому что, того и гляди, он, Полощук, станет главой администрации города... Значит – уже не Волик?.. А ведь Полощуку такое вполне светит – он с Немцыным очень даже дружит...»

Детали подковёрной интриги с кандидатурой Полощука остались неизвестными по сию пору. Возможно, его держали в резерве на случай отказа Волика. Не исключено, что наместник Президента Немцын мог просто своей волей назначить на пост мэра города Клёво своего протеже точно так же, как и Президент назначил Немцына своим наместником.

Волик не отказался. Впечатлил он депутатскую группу настолько эффектно, что смовыдвиженец Алексей Липин добровольно и даже с энтузиазмом торжественно заявил: «Снимаю свою кандидатуру в пользу Владислава Ивановича Волика». Не исключено, что и энтузиазм, и снятие себя с участия в выборах стали следствием соответствующего указания...

«Дневник. 17 декабря 1991 года в Клёве появился „глава администрации“ – Волик. 13 (!) декабря сессия Клёвского Городского Завета народных депутатов утвердила его в новой должности единогласным „одобрям-с“. Вся процедура, и сессия вместе с ней, длилась двадцать минут».

Потом, спустя с десяток лет, факт, записанный в дневнике вечером того же дня 13 декабря, позабыли. Солидный юрист, преподаватель ВУЗ-а, председатель Зекского собрания безапелляционно заявил: «В те времена на должности глав администраций только назначали и поэтому Волик избран быть не мог». Однако – был утверждён депутатами открытым голосованием: можно сказать – избран избранниками народа. Не приняли бы они Волика, не проголосовали бы за него – первым мэром клёвского города стал бы кто-то другой.

Продолжение записи 13 декабря 1991 года. «В исполкоме – перестройка. Спешно сооружаются кирпичные стенки там, где их ещё нет. Новому начальству – новые кабинеты. Скоро там останутся свободными только коридоры, лестничные площадки да сами лестницы... если никому не понадобится и там соорудить служебные помещения.

Среди аппарата исполкома трепет, паника и резкое усиление междусобищ: все боятся потерять свои места и воюют за них... между собой.

Тутюшние «демократы» оживились. Кавычки поставил сознательно: они – демократы действительно только так называемые. На самом же деле у них закваска совсем иной партии. Характерные качества: бездоказательная, незыблемая и безапелляционная вера только в свою правоту, навешивание ярлыков, подозрительность, подстрекательство, провокации, ложь, тенденциозность. Во всём этом убедился на собственном опыте и таковой же шкуре.

Оживление наступило, как обычно, по любимому поводу: кого выгнать из руководящих исполкомовцев и кого кем заменить».

Позже оппозиция Волика утвердила мнение: здание администрации города начали забивать кабинетами до упора только после вступления Волика во власть. Раньше. Постепенно исчезло всё, с точки зрения чиновников, пустое пространство в здании. Даже малый зал заседаний. На его месте сегодня помещения Земского собрания.

«Дневник. 17 декабря 1991 года. Считаю, почему-то, что Волик приступит к исполнению своих обязанностей мэра со вчерашнего дня. Но он и сегодня не действует. В областном Совете заняты. Доверяет начатые дела в четырёх депутатских комиссиях.

Можно сказать, что сегодня не действуют ни облисполком, ни райисполком – многие на всякий случай ищут себе другую работу. Все уверены, что принцип «новой метлы» в наши демократические дни наиболее приемлем для зачистки».

Формально ни на муниципальной, ни на государственной службе чиновников ныне не существует. Есть служащие и только служащие и никого, кроме служащих. Чиновник – от слова чин. Когда-то к чину, кроме зарплаты и чести его иметь, прилагалась форма различной степени пышности. Чем выше чин – тем пышнее форма. Чины тоже имели значение не только чисто символическое: титулярный советник, тайный советник и «прочая – прочая». Так и величали соответственно чину с неизменным приложением чиновничьей градации. Сегодня «гос» и «мун» служащие тоже имеют какие-то приставки к своим должностям, но они существуют только в служебных документах отделов кадров. Если приходится упоминать кого-то из служащих в печати или в официальной обстановке, то называется только его должность, без приставок к ней служебного ранга. Слово чиновник приобрело смысл издевательский.

И не мудрено или наоборот – мудрствуя лукаво. Даже в словаре Сергея Ивановича Ожегова смысл слова чиновник обозначен так: «Тот, кто ведёт свою работу с холодным равнодушием, без интереса». Такого сорта люди подвизаются во всякой профессии и в любом деле, но их чиновниками не называют. Чаще называют так и тех, кто работает с душой, азартом, инициативой и даже, не испугавшись этого слова, – энтузиазмом. Принято считать так: если ты чиновник, то непременно равнодушный, чёрствый и, желательно, заплесневелый, сухарь. К тому же ещё и взяточник или, «по-научному» говоря, коррупционер. В этом и есть тайный смысл и интерес чиновника... Позвольте, но тогда коррупционер – не чиновник – ведь, согласно Ожегову, у чиновника никакого интереса быть не может, а только «холодное равнодушие». У коррупционера же к взяткам горячий интерес, а вовсе не равнодушие.

Как бы то ни было, но мне в Клёвской мэрии холодно-равнодушных муниципальных служащих встречать не доводилось. Все, или выразимся на всякий случай более осторожно – почти все, начальники департаментов работали с большим напряжением сил и средств – если таковые имелись в бюджете. Чаще всего, или опять выразимся с оглядкой, средства в бюджет поступают из слезоточивых глаз kota или из подобия лёгких облачков на высушенном засухой небе. Так что не очень-то развернёшься в трудовом порыве, да и сам порыв может иссякнуть и завянуть, как и всякий полезный овощ без полива.

Только что избранные депутаты, в эйфории от восторга самими собой, как избранниками народа, и непоколебимой уверенности в правоте своей, символически указуя большим перстом куда-то назад – «за моей спиной тысячи избирателей», не сомневаются: то, что не сделано директорами департаментов, отделов или комитетов – не выполнено исключительно по их, руководителей, вине – нерадивы, холодно равнодушны, безынициативны...

Резких кадровых изменений сразу же после прихода к власти Волика не последовало. Прежние руководители подразделений мэрии продолжили работать на местах, к которым привыкли седалищные части их тел. Но работа их, этих мест, стала менее спокойной. Но зато более напряжённой. По словам тех же руководителей подразделений, администрации новая «метла» принялась выметать главным образом лень, равнодушие, нерадивость, безынициативность. В его кабинете появился строгий лозунг: «Приходи к начальнику не с вопросом, а с предложением!» Волик стал больше и строже требовать. Если сравнить администрацию того времени с строптивой и распушенной лошастью, то мэр её укротил и на путь истинный направил: подтянул вожжи и вставил узду дисциплины. Со временем, вникнув во внутренние традиции коллектива бывшего исполкома справлять дни рождения руководства по кабинетам каждого с обильными возлияниями, плясками и танцами-шманцами, не скрыть греха и временами с обжиманцами, всякое подобие таких увеселений внутри здания мэрии строго настрого запретил и прекратил. Руководителей, помнится, было пятнадцать и чествования происходили почти ежемесячно, а то и раза по два в месяц. Некоторых, увеселившихся слегка чересчур, из мэрии выносили.

Главным советчиком Волика, на первых порах его «мэрской» (аналог мерзкой), как он сам поговаривал, работы зарекомендовал Олег Полощук. Как и что он советовал мэру, не известно, но после его информации о планах Волика, которую он доверительно излагал служащим администрации, некоторые из них начинали уныло готовиться к увольнению. Такая процедура выпадала на долю тех, чьи должности не совпадали с их способностями и профессиями. Бывший профессионал – политик Золотарский, возглавлявший райком комсомола, вдруг стал руководить торговлей. Возможно, имелись в душе его какие-то стремления к этой древней профессии, но в условиях того времени они оказались недостаточно корректными, с точки зрения новой «метлы».

2 января, с трудом выдержав несколько дней после вступления мэра в свои права, депутаты – «демократы» отправились на встречу с Воликом. Мне опять «повезло» в ней не участвовать. А искренне жаль – не увидел комедии. О деталях той исторической достопримечательности рассказали её потрясённые свидетели. Потрясение произвёл «демократ номер два» Алексей Липин.

«Дневник. 4 января 1991 г. О том, как происходил «разговор» депутатов с Воликом, рассказал председатель комитета по охране природы. О предстоящей встрече он догадывался и хитро явился к мэру минут за тридцать до появления в его кабинете «демократов». Намеренно подзатянул деловой разговор и якобы случайно остался в кабинете после того, как группа членов «демократической платформы» торжественно вступила в апартаменты мэра.

«Стыдно было слушать и присутствовать при том, что происходило», – потупился главный эколог района, махнув рукой.

Происходило следующее. Липин, ставший недавно сопредседателем «демократов» на время отсутствия их лидера Полощука, «разорвал на себе тельняшку», заорал и завопил, и принялся «вправлять мозги» и «учить жить» мэра Волика. Если вкратце, то смысл слооизвержений сводился к следующему: «Мы тебя породили, но мы же тебя и убьём, ежели ты

не станешь слушаться наших советов и мнений». Этим Липин «со свойственной ему деликатностью тонко намекал» на то, что Волика на пост мэра выдвинули «демократы» и им же логично быть во власти. При этом обрызгал грязью своего же «партайгеноссе» Прикурова.

Волик, надо отдать ему должное, отнёсся к судорогам «демократов» с юмором».

Последующие годы не раз преподносили Волику подобные встречи с оппозицией. Первой же, и самой оголтелой, оппозицией, стала часть той самой группы, укрепившейся на «демплатформе». Вот как это страшное событие произошло.

Депутат Липин недаром пытался шантажировать Волика, принуждая его руководствоваться мнениями и советами «демократов». Считая себя демократами, без кавычек, или, точнее сказать, выдавая себя за таковых, они вполне резонно полагали: после победы демократов и власть повсеместно к ним в руки и должна лечь, как жрица древней профессии в постельку. Если они, «демократы», помогли Волику стать главой администрации, то «их ставленник», в свою очередь, просто-таки обязан предоставить им все ключевые посты в новой Клёвской администрации. Ничего не скажешь – логично. Вот это и было одним из главных их мнений. Кроме теоретических рассуждений «демократы» кое-что предпринимали и практически. Вечерами, на своих заседаниях... Кстати сказать, некоторые из них проникали в комнату, где сии заседания происходили, не иначе, как через окно – при открытой двери. Вразумительной причины столь экстравагантного появления перед коллегами не звучало. Так вот, на этих заседаниях «демократы» азартно распределяли себе должности в районной администрации. При тех живых, так сказать, кто эти должности в настоящее время занимал, не подозревая о готовящейся им горькой участи. Не верилось в серьёзность таких «демократических» намерений. Но рысаки закусили удила. И – пустились вскачь.

Наскок окончился насмешкой мэра. Не прилюдно, разумеется. С делегацией требователей он держался корректно – до тех пор, пока за ними не захлопнулась дверь. Потом высказался: «Расписали себе должности: того вице-мэром, этого – директором департамента... Стыдно». На заседании Малого Завета так и сказал, но уже грустно – заметна была неловкость за них: «Депутаты мне руки выкручивают – требуют сменить всех руководителей в будущей мэрии и поставить на свободные места их».

Отказ Волика подействовал на обитателей «платформы», как красная тряпка на быков. Из его сторонников они моментально превратились в его самых непримиримых противников. Перед предъявлением своих требований – лучшие друзья, сию же минуту после – злейшие враги.

«Ну-ка, притормози, друг голубичный! – вскрикнул Любопытный странным голосом и таким же выражением физиономии. – Что-то не пойму я ничего. От кого ведётся рассказ? От третьего лица или от первого? Начал с третьего и вдруг ни с того ни с сего – „я“... Кто такое это „я“? Сам Афонский, что ли?.. Или Козлов? Или нечто среднее? А дневник?.. То же самое: то некий „один из жителей города“, то вполне конкретный тот же „я“. Требую внести ясность!» «Это для тебя так важно?» «Разумеется – важно. Одно дело рассказ стороннего и совсем другое – участника». «Так ведь участником героя повествования автор делает кого ему угодно! Стало быть, и тот, и другой – одно лицо. Участник событий – Козлов – он и рассказчик, он же и все три лица. О чём – это главное, а кто – второстепенное. Мы же не в суде. Этот рассказ автор художественно... лучше скажем творчески, произвёл в произведение... Доволен?» «Это, знаешь ли, с какой стороны посмотреть... Ну, будем считать, убедил. Валяй дальше».

Нужно, наверное, уточнить: что такое – Малый Завет. Это была часть Городского Завета. В него входили председатели всех постоянных депутатских комиссий. По большому счёту

малый Завет представлял собой не что иное, как президиум Горзавета, выполняя все его функции, только иначе названный – в силу перемен.

Случаи, подобные казусу с претензиями «демократов» на высокие посты, конфронтации, попытки шантажа, и другие камни и булыжники судьбы главы города, не могли не оказать на Волика, просто по-человечески, крайне отрицательное действие. Поведение депутатов, казалось бы, близких ему по духу и целям, тоже сработало не в их пользу. Уж если так себя ведут союзники – чего же от других ждать? Естественные сомнения каждого нормального руководителя. Особенно начинающего.

«Дневник. 8 января 1992 г. В исполкоме встретил случайно Татьяну Кузнецву и Елизавету Яковлину. Обе – бывшие работницы райкома Правящей. Обе достаточно хорошо знакомы с характером Волика, как судьи. Они и высказались: „Демократы ожидали, что нашли в Волике свою марионетку. Они Волика не знают. Он тут всё ликвидирует: и их, и Заветы“. Яковлина добавила: „Ну и хрен с ними – с Заветами. Их давно пора ликвидировать, а теперь – особенно. Зачем две параллельные власти: мэрия и Завет?“ Такие заявления из уст опытных аппаратчиков – это кое-что. Не показывает ли оно иное отношение к мэрии, чем к исполкому? Мэрия, то есть администрация города – это действительно полномочная власть, а исполком властью в подлинном смысле этого слова не был. Отсюда и другой вывод: глава администрации района – власть не меньшая, чем председатель Горзавета».

Это обстоятельство и определило последующие отношения между мэрией и представительской властью. Да и властью ли уже?

Ничего, подобного тому, что так блестяще продемонстрировали доморощенные клёвские демократы, в недавнем прошлом просто не могло быть потому, что не могло быть никогда. Даже представить себе, или приснить в страшном сне, было невероятно, чтобы депутаты городского Совета народных депутатов вызывающе вели себя с самим председателем исполкома горсовета, аналогом которого стал мэр. Никому. Ни в одну извилину мозга не могло втемяшиться, что можно на него орать, открыто шантажировать и даже угрожать. Нечто подобное обрушило бы на депутатов крайне печальные, для них, последствия. Скорее всего – психушку.

С приходом «Горбачёвской перестройки» стало возможно и допустимо всё. Даже чересчур. И «Чур меня» никто не скажет. Особенно после провала ГКЧП. Кстати сказать, никого из «мужественных борцов за свои права», явившихся к Волику, во время митингов протеста против ГКЧП на центральной площади города не было ни видно, ни слышно. Они неизменно расхрабрились только после того, как стало прозрачно ясно: с «хунтой» покончено. Будь результат иной – и поведение вполне могло стать иным – они бы не чувствовали себя победителями.

Глава V. История обострения борьбы или «Лучше один раз увидеть, чем сто раз проспать»

Моя первая индивидуальная встреча и личный разговор с первым мэром Клёвского района с Владиславом Ивановичем Воликом состоялись 3 января 1992 года.

«Дневник. 4 января 1992 г. Вчера к Волику вместо назначенных им 14 часов «попал» лишь в пятом часу вечера или уже ночи, по зимнему времени. Впечатление: выдержанный, думающий, способный трезво и здраво разобраться в вопросах человек с самостоятельным умом. Выслушав и ознакомившись с документами, мэр сказал: «Ну вот, теперь будет что сказать депутатам».

И в последующие годы тоже приходилось иногда часами просиживать в приёмной, приёма ожидаючи. Не потому, что мэр закапризничал и пренебрегает драгоценным временем посетителя от высокомерия своего. К нему беспрерывно, один за другим, «оптом и в розницу» шли люди с делами, не менее неотложными, чем мои. Хотя при этом я честно, как и все другие посетители, считал: мои дела всё же самые важные из важных. Стояла и стонала эпоха перелома судьбы страны, области, района, города, его предприятий, людей, судеб. Приватизация, «ваучеризация», спекуляция, модернизация и т. д. Появилось новое племя – предприниматели, свои и зарубежные. Проблем возникало, исчезало и вновь появлялось множество таких, о которых прежние власти и слыхом не слыхали, и видом не видали, и предположить не могли. Строились невиданные доселе взаимоотношения, не имеющие чёткой регламентации. К этому всему присовокуплялись конфликты, интриги, дразги, жалобы... И я в тот день 3 января пришёл к мэру, как депутат, с предложением урегулирования бесконечных скандалов в ПТУ №36. «Инициативная группа» преподавателей требовала немедленной смены директора училища, обвиняя его во множестве смертных и бессмертных грехов, отнюдь не всегда справедливых – та самая причина наших с Полощуком споров.

Настало время, когда конфликты в городе начали вспыхивать один за другим очагами различной степени интенсивности, масштабов и болезненности. Самые крупные, сказывающиеся в той или иной степени на жизни города, принялись греметь и громыхать между депутатами Горзавета и его председателем, между Горзаветом и новоявленным главой администрации – мэром, и, наимасштабнейший, – между Воликом и генеральным директором Завода Юрием Петровичем Егорищевым.

Егорищев слыл среди клёвчан ставленником Москвы. Даже самого Политбюро ЦК Правящей. Имея за спиной такую мощную поддержку, вроде крылышек, и покровительство в виде легендарной «мохнатой лапы», гендиректор чувствовал себя хозяином не только Завода, но и города всего. Соответственно и держал свою драгоценную персону, и всех, до кого мог дотянуться хозяйственной рукой, а она у него была длины необыкновенной. Даже сам горком Правящей не мог им ни править, ни справиться. Норов у Егорищева топорщился барский – самодовольный и деспотичный. Он не стеснялся буквально орать на своих подчинённых, оскорблять и унижать их публично. И вообще напоминал собой нечто, вроде помещика Троекурова из повести Пушкина. Даже внешностью. Будь у него медведь, как у того самодура, он мог бы, пожалуй, и посадить к нему себе на потеху кого-нибудь из подвернувшихся.

Внешне Юрий Петрович совсем не походил на чудовище в образе человечьем. Наоборот – производил очень даже приятное впечатление. Возможно, и не только производил, а и был таковым на самом деле – мало ли что скажут о своём начальнике подчинённые. Тем более обиженные. Тем более не справедливо. Иногда можно было увидеть идущего пеш-

ком по главной улице Клёва человека не слишком высокого роста, начальственно полного, с руководящим животом, благородно серебриющимися висками и добродушным лицом. Это лицо и всё остальное, к нему прилагающееся, и принадлежали Юрию Петровичу Егорищеву.

Подвиги гендиректора Завода ещё куда бы ни шли в его вотчине, если бы не демонстрация своего норова и в кругах наивысших. Компетентные лица шепотком поведали: Егорищев перессорился со множеством влиятельных сиятельств и в министерствах Москвы. Там коса нашла на камень и зазубрилась: сиятельства оцетинились на самого Егорищева – «сила действия равна силе противодействия». Рикошет угодил в Завод: он начал постепенно хиреть. И не только от неблагоприятности «сверху», но и от отношения к делу самого господина Егорищева. Завод давно не модернизировался, технологии устарели, оборудование изнашивалось. Надо было бы вкладывать средства в развитие производства, но им нашли иное применение. Из-под полы понесло спекуляцией и контрабандой. Вдруг начали благоденствовать рабочие и служащие Завода. Некий депутат Горзавета, ничтоже сумняшеся, приносил наборы дорогой и страшно дефицитной косметики в помещение Горзавета – предлагал купить их служащим аппарата. Но Завод как был главным поставщиком пополнений в бюджет города, так таковым и остался, и хозяин его не без оснований считал себя вправе командовать и в городе, тем более, что многие жители Клёва трудились на этом Заводе.

Волик на это положение посмотрел-посмотрел и примириться с ним не смог. И не захотел. Он осознал себя тем, кем и был на самом деле – главой администрации района и по праву – хозяином положения в городе. Лично: Завод – на территории Клёвского района, Волик – района командир, утверждённый народными депутатами, то есть – обличённый доверием народа. Получились классические два медведя в одной берлоге и им было чем померяться. Каждый – уверенный в своих силах и габаритах. Надо отдать должное одному из «медведей» – мэру – не он начал конфликт с Егорищевым. Начинать деятельность главы города с конфликта ему было никак не резон. Амбиции разыграли у Егорищева. Не только амбиции, разумеется, но и их следствия.

В 1992 году в Клёве ещё продолжало действовать, и действовать активно, движение «зелёных». Инициатором его возникновения, вдохновителем и организатором был клёвский литературно-политический клуб «Искра». К активной «зелени» примыкали, на время, некоторые активные клёвчане. Одно время среди них оказался и Алексей Липин – тот самый депутат и, «по совместительству», инженер Завода. Этот Завод и плюс к нему белково-витаминный комбинат, сокращённо БВК, изготавливавший странные добавки к корму для скота, и превращали клёвскую атмосферу в скопище разнообразной пакости над городом и планетой, прилегающей к нему. Таким образом, «зелёные», выступая в роли защитников природы, планеты и здоровья её обитателей, автоматически становились противниками и руководства предприятий, посягающих на них – в том числе и Самого Егорищева...

Учитывая душевные качества генерального, не стоило удивляться тому, что после одного из своих пламенных выступлений А. И. Липин, по натуре своей человек очень импульсивный и азартный, получил от своего непосредственного и грозного генерального весьма серьёзное предупреждение: если и впредь речи против руководства Завода будут им, Липиным, продолжены, то он, Липин, лишится своей любимой работы на своём, любимом же, Заводе. И пламенный Липин выбрал любимую работу, тем более, что очень любил и зарплату, за неё получаемую, в то время как за пламенные речи никакой мзды, кроме популярности, не имел. Возможно, он получил ещё какие-то ценные указания, потому что вдруг сменил направление главного удара, внезапно принявшись не менее темпераментно атаковать не кого-нибудь, а председателя Горзавета Лапкина. Неожиданность была удивительной: до начала агрессии Липин к Лапкину относился вполне лояльно и уважительно. Дело в том, что против Лапкина затеял войну Егорищев.

Депутаты, как-то однажды в один прекрасный денёк, озаботились тем, что мэр явно перегружен свалившимися на него проблемами и посетителями и как бы не надорвался прежде времени. Дабы уберечь его от неприятных неожиданностей со здоровьем и повысить эффективность мэрской деятельности постановили: ввести в штат мэрии должность вице-мэра. Егорищев меру одобрил, но настаивал на кандидатуре в вице-мэры того, кто претендовал на пост самого мэра, но был отвергнут, – Ясных. В знак и по доброй памяти – Ясных долгое время трудился под непосредственным началом Егорищева. Стало быть, в случае прохода этого варианта «вторым человеком» в районной администрации стал бы «человек Егорищева». Липин усердно егорищевского протеже поддержал. Одновременно начался сбор компромата на Лапкина. Однако урожай здесь обильным оказаться не смог: ничего более – менее серьёзного найти никак не удавалось. Лапкин был чист и честен, как непорочный кристалл в надёжной оправе своей должности председателя Горзавета.

Тогда начался «поиск блох» – каких-нибудь неудачных слов и выражений в выступлениях Лапкина, пригодных для толкования в невыгодном для него свете. До успешного конца дело довести не успели. Вскоре поступила другая команда с Заводского верха: фронт атаки переменялся – боевые действия начались против Волика.

Пока «битвы» шли и продолжались своим чередом, начались осложнения отношений депутатов с Воликом. Как всегда нашлась масса проблем и решить их мог только мэр, но он, как постепенно выяснилось, всё-таки не Господь Бог и отнюдь не всесилен, особенно тогда, когда его силы не поддержаны финансово. Это раздражало депутатов. Меня, как председателя постоянной комиссии по делам молодёжи, культуры и спорта, тоже. Люди приходили со своими животрепещущими и абсолютно неотложными вопросами. На них нужно было отвечать, непременно решать, и если первое зависело только от меня, то второе – от наличия средств. Выделить их мог только мэр...

Статус народного депутата обязывал руководителей любого ранга принимать депутата без очереди в любое время, рабочее, имеется в виду, а также и вне его.

«Дневник. 21.01.1992 г. К 10 часам, как и было намечено Лапкиным, руководители клёвской культуры и физкультуры подошли к кабинету Лапкина, оказавшегося... запертым. Яковлина объяснила: недавно Лапкин звонил, просил извиниться – ему рвут зуб. (Возможно тот, который он имел и наточил против Волика).

Народ собравшийся тем не менее озлился и, побазаривши, решил в очередной раз попробовать прорваться к Волику. В очередной раз и не получилось. Нам, депутатам, включая и членов Малого Завета, дорога к мэру прочно закрыта...

Если пренебречь статусом депутата, то Волик прав: ему в самом деле некогда – народ течёт к нему, как вода на колесо мельницы, и он вертится, как это колесо. Но это если пренебречь. Член Малого Завета, председатель ПДК, да ещё и с людьми, по пустякам не придёт. Люди же увидели и поняли так, будто мэр не хочет их принять и плевать хотел на их избранника – депутата.

Депутатская комиссия заявила протест. Волик сам действует против своего авторитета. Возможно, и одумается, со временем. Публикация в газете о стиле его работы работает против него и вряд ли ему это нужно в самом начале мэрского пути».

Рассуждения эти справедливы только с позиций депутатских амбиций. Позже одумались оба: и мэр, и депутат, то есть автор строк сих. Волик извинился, а я понял, что амбиции не всегда соответствуют «амуниции»: мы шли со своими эмоциями главным образом требовать и просить к человеку, не проработавшему в должности мэра и месяца, далеко не во все нюансы вникшему и объективно не способного определённо точно найти пути решения всех наших проблем. С нашей стороны должны были быть какие-то конкретные предложения, а их не име-

лось. Решение практически всегда зависит от финансирования, а наша делегация в его тонкостях сама не очень—то глубоко плавала, наблюдая перед собой только поверхности, барахтаясь в волнах чувств на грани утопления и принимая соломинку за бревно. Сказывалось полное отсутствие опыта в хозяйственных и финансовых вопросах. Мы всё ещё подходили к делу с наивно – идеалистических воззрений. Я, например, абсолютно был уверен: все недостатки в культуре и спорте – только от неумения и нежелания организовать работу их руководителей. Вот ежели взять, да и изменить отношение к делу со стороны этих нерадивых, а если они в силу неодолимого обронзовения своего упрутся, то и снять с должности, как нагар со свечи, «стоит только захотеть, стоит только не робеть – и все мечты сбываются», как пелось в бодренькой советской песенке – и всё наладится. Подобные безапелляционные эйфорические настроения преобладали и у многих других депутатов плюс уверенность: избранник народа всегда прав потому, что не прав быть не может. Настроения имели результат реальный.

Вплоть до ликвидации всех народных заветов, как очагов власти и чрезмерного свободолюбия, клёвский городской Завет мог реально повлиять на утверждение или не утверждение части руководителей департаментов... Впрочем, в 1990-м году ещё не ввели такого понятия, как департамент. Существовали отделы и, соответственно, начальники отделов.

Многие депутаты были крайне недовольны работой именно тех сфер деятельности администрации, на которые мог повлиять: и образование не образовывало молодое поколение должным образом, и культура хромала на обе ноги, для маскировки и симметрии, и финансы «пели романсы» хрипло, не в тон и слишком тихо, а уж спорт совсем никуда не годился. Недостатки и в самом деле имелись, как во всяком живом организме. Депутаты, демонстрируя свою эрудицию, твердили, что «рыба гниёт с головы» и убеждали всех, и прежде всего себя: все изъяны – только от головы и есть – то есть, от неспособности голов – не так пахнут, а некоторые даже воняют, как и подобает гниющим.

Тут позволю себе вернуться к теме для более детального рассказа. Как и ныне, городской Завет имел постоянные депутатские комиссии. Разные. Одна из них занималась делами культуры и спорта, и возглавлял её автор сих строк. Сам напросился – никто за узду не вёл, хотя бы потому, что не было таковой. Руководство своё начал с изучения тем изнутри. Из отделов культуры и комитета спорта «не вылезал», со всеми, компетентными товарищами перешагал, вопросы задал, ответы получил. Ответы однообразные: руководство сменить непременно и срочно – не справляется. Мнение обсудили на комиссиях и судьбы всех четырёх «голов» были решены. Они слетели с плеч отделов на сессии городского Завета. Заметим, на всякий случай: не глава администрации убрал из мэрии тех, кто работал при прежней власти, а депутаты.

Быть «снятым» с руководящей работы для снимаемого и тошно, и больно, и горько. Горше всех досталось, наверное, заведующей городским отделом народного образования, или «гороно», Софье Николаевне Грушковой. Её отдел, по праву именно её отдел, признавался лучшим не только в районе, но и в области. Его руководительница, систематически, по заслугам и традиционно восхваляемая, даже в собственных глазах была сильным и компетентным в своём деле человеком. К трибуне шла женщина с достоинством не меньшим, чем член правительства. Отчитывалась уверенно и гордо. Назывались цифры и факты, говорящие об успехах «гороно» в ремонтах школ, классов, подготовке к учебному году и многих других хозяйственных делах. У наивных же депутатов сложилось впечатление дилетантское: говорит не педагог, не организатор воспитательной и учебной работы, а хозяйственник. Я внутренне усмехался кажущейся мне «некомпетентности» выступающего, но, в то же время, подумывал: может быть, я ещё чего-то не понимаю и чего-то не знаю, во что-то не вник. Ведь выступает человек, не первый год ведущий дело сложное и важное, и хорошо, по отзывам, ведущий... Но чьиотзывы-то были – партийного аппарата – специалиста втирать очки показухой... А работа школьников на уборке урожая вместо учёбы?.. Много чего у нас восхваляли, в том числе и «Славу КПСС»,

а довели страну до перестройки и до предела... И всё же... Перед выступлением Грушковой я твёрдо решил выступить и разгромить всю, как мне думалось, порочную систему образования. Пламя решения угасало по мере того, как на него «капали» слова заведующей «гороно».

Поторопился всё тот же, полупоупендарный Алексей Иванович Липин. Он начал греметь громом и метать в адрес Грушковой молнии прежде, чем добрался до микрофона, раскорячившего свои опоры в зале. Сказал почти дословно то, о чём думал и я, только без моих сомнений. Кто-то добавил свой удар дубиной критики, депутаты поддержали нападение, проголосовали. Софья Николаевна вернулась на своё место в зале заседаний уже не первым лицом в образовании. На неё жутковато было смотреть: впервые я видел человека, «потерявшего лицо» – настолько оно изменилось. Она не понимала причин своего поражения. Несправедливого во всех отношениях. Но ничего уже нельзя было сделать: сессия проголосовала против неё.

Примерно так же, состоялись аутодафе и других трёх приговорённых.

Много позже, когда депутаты разобрались в делах администрации, вникли в главные детали её работы и поугасили свой «дермократический» пыл, стало понятно: поторопились братцы, не помилосердствовали, заporоли «шпицрутенами», как солдата в рассказе Толстого «После бала». Бал продолжили, но танцевали уже другие: на месте Веры Сизовой стал выполнять замысловатые па в роли директора департамента культуры Павел Александрович Рыжин, денежки бюджетные считать и распределять Василий Александрович Солев, а вместо Виктора Степановича Ржанцева усиливать физическую и спортивную мощь клёвчан доверили Валерию Григорьевичу Артёмину, временно – так прозорливо и мудро постановили депутаты.

Как бы то ни было, но существовавшие в те времена взаимоотношения Горзавета с администрацией и его великовластный статус создали обстановку, когда подбор и утверждение части кадрового состава администрации – деловой команды мэра – зависел не от него, а от мнения и настроения депутатов. А мнение сие не всегда способно быть адекватным и подчиняется случайным впечатлениям и политическим позициям... Не только самих депутатов, но и тех, кто стоит за их спинами кто с чем: кто с дудочкой, кто с удочкой, кто и с дубиной, или замаскированной под пальмовую ветвь, или же просто сунутой под полу. К ней и камни за пазухой в ход могли пойти.

Ни одному руководителю, с нормальной, не съехавшей, «крышей», такая экзотическая ситуация не понравится. «Крыша» у Волика прочно лежала на своём месте, не протекала и не кренилась, и он постарался с ней, нелепой и угрожающей ситуацией, покончить. Тем более, что не хилая часть депутатов принялась сознательно пользоваться своими правами во вред, как им казалось, мэру, а на самом деле – городу и району.

Во всей стране в разных вариантах творилось примерно то же самое. Кульминацией противостояния депутатов и административной власти стали трагические события октября 1993 года в Москве. Советы народных депутатов канули в Лету, выражаясь пышно, и никто спасательного круга не бросил; исчезли, изъясняясь попроще, или гигнулись, совсем уж просто говоря. В Клёве, соответственно, тоже. Трагедии не случились, но драмы произошли. И не Волик их разогнал, как предрекала Татьяна Кузнева, но в соответствии с мнением Елизаветы Яковлиной «на х.. они сдались». «Земкские собрания» посягать на власть глав администраций столь же эффективно уже не могли – количество депутатов стало гораздо меньше и статус, с полномочиями, уменьшился до микроскопических масштабов. Мэры получили, наконец, возможность распоряжаться своими кадрами и подбирать их по своему усмотрению...

«Ну и как это усмотрение срабатывало? – подумал и поинтересовался Любопытный, – Теперь, небось, все директора департаментов соответствуют своим местам, как патроны в – пистолете». «Увы, друг мой, увы, – как-то по-лошадиному змотал головой Знающий, – если бы. А то поглядишь на некоторых – блестят, как настоящие патроны, и гильза есть, и пуля на месте,

а сунешь его в ствол – то патрон слишком толст, то калибр пистолета мал – не вставишь. То всё, вроде, всунулось и вставилось – так выстрел холостой или пуля мимо цели...» «Так это и от стрелка зависит – целиться нужно лучше и вообще стрелять уметь», – мудро – изрёк Любопытный. «А откуда ты это знаешь?» – любопытно спросил Знающий. «А от верблюда, – со знанием дела ответил Любопытный, – тот как-то сквозь игольное ушко в рай пролезть надумал и, знаешь, ли – пролез, подлец!» «Как же ему это удалось?» «А вот этого я не знаю – это, брат, твоя работа: на то ты и Знающий у нас», – и Любопытный захромал своей дорогой. «Да – любопытные всегда хромают», – посмотрел ему вслед Знающий. И пошёл пешком в другую сторону, отмахиваясь от автоматных очередей, как от назойливых ос. «Да, у тех, кто слишком много знает, не бывает машин и чересчур долгой жизни», – сочувственно вздохнул Любопытный, оглянувшись на пальбу.

Конфликт гендиректора Завода с мэром продолжался, обрастая деталями, бронёй с обеих сторон, бронебойными снарядами, синяками, ссадинами и шишками. Одной из «деталей» стал проект строительства в Клёве клёвого фармацевтического завода по производству ценных и чудодейственных лекарств, способных избавить человечество в общем, и клёвчан в частности, от...

«От чего же?» – материализовался из ничего Любопытный. «От любопытства», – показал ему кукиш Знающий, не успевший далеко уйти и удивительным образом уцелевший после обстрела.

Подобием и образцом волшебного завода должен был стать такой же точно завод, исправно работающий в американском городе Каламазу. Волик был за строительство. Егорищев против. Говорят – из соображений конкуренции.

«Дневник. 14.08.1992 г. «Вчера в редакции «Маячка» засели «зелёные». И я с ними. Повод: речь «легендарного» Липина. О строительстве фармзавода. Эдакое сумбурно-политико-истерическое нечто. Кроме выступления он ещё и статью в «Маячок» написал против Волика. Впечатление: Егорищев против фармзавода, Липин – под пятой Егорищева – отработывает спецзаказ выступить против нового завода и против мэра, поскольку мэр – за».

При выборах депутатов Земского собрания управляемые Егорищевым заводчане сделали всё, возможное и не возможное, дозволенное и не дозволенное, чтобы составить большинство в Земском собрании и таким образом противостоять мэру во всём, что неудобно своему шефу.

«Дневник. 27.11.1992 г. 26-го впервые после избирательной кампании депутат Верховного Совета РСФСР, он же одновременно и генеральный директор Завода товарищ Егорищев Ю. «вышел к людям» – явил себя депутатам и руководству города. Сорок пять минут длилась тёплая встреча. Особенно «тёплой» она стала для мэра. Егорищев лягал его трижды. В присутствии городской «элиты». «Лягания» – не по делу. «По вине мэра», оказывается, «город имеет лишь один процент от миллиардных доходов Завода». Егорищев же, член Законодательного органа страны и директор этого завода, тут ну совершенно ни при чём».

На какую-то злую реплику Егорищева Волик иронически ответил: «Давайте поменяемся должностями». Егорищев взорвался: «Я на вашем месте справлюсь, а вы на моём – нет!» (Как у Гитлера: «Каждый фельдфебель может стать учителем, но не каждый учитель – фельдфебелем»).

25.01.1993 г. Главным событием в январе стала сессия горсовета. Главной же темой сессии стала попытка сместить с поста мэра Волика. Инициаторы потуг – Завод в лицах «заводских» депутатов и примкнувшие к ним клёвские «демократы».

Волику откликается его нескрываемое отрицательное отношение к приватизации и акционированию Завода. Он считает, что Завод должен оставаться в государственной собственности. Завод откровенно и примитивно мстил. Мицение возглавлял депутат Веховного Совета – генеральный директор Завода.

Одна из бомб для мэра – жалоба на него на пяти страницах одного из «демократов. Досталось в ней и О. Полощук. О причинах, подвигнувших «демократа» на «разоблачительную тропу», Олег только руками разводит и предполагает. Подозревает даже некую нижегородскую... еврейскую общину, у которой с Воликом какие-то разногласия.

Легендарный Липин, который А.И., превзошёл себя и надоел всем в который уж раз ретивым исполнением «социального заказа» своего шефа. Даже депутат Заваликин, обычно благополучно молчащий на всех сессиях, о чём бы ни шла речь, вышел на трибуну «разоблачать» Волика. И «разоблачил»: это мэр, и никто иной, лично повинен в... спекуляции, преступности и пьянстве в славном городе Клёве...

При голосовании за предложение признать работу Волика неудовлетворительной это предложение поддержали из 96-ти депутатов только двадцать: все – заводчане».

«А при чём тут евреи? – округлил глаза Любопытный. – Евреи, евреи, кругом одни евреи. Они-таки и здесь виноватые. И они что-то там против Волика». «Да дело не в виноватости вообще, и не в том, что они против мэра, а в том, что дальше будет с мэрскими делами и то, что ни при чём станет при чём, но не с той стороны, как можно подумать, а с другой и тот, кто будто бы против Волика, станет за него, а сам Волик будет сам против себя, об этом не зная», – и Знающий глубокомысленно умолк. «Ну, ты даёшь! – засмеялся Любопытный, – всё перепутал и запутал и сам запутался в путанице. И каким же таким образом мэр персонально повинен в спекуляциях, преступности и пьянстве?» «А таким. При Николае втором, последнем императоре, какой-то пьяный офицер расстрелял рабочих на Ленском прииске. Кто виноват? Царь Николай. „Кровавое воскресенье“ гапоновское 9 января учинили в то время, когда того же императора в Петербурге не было – кто виноват? Царь „Николашка – кровавый“. А уж мэр и подавно во всём, что в его мэрстве творится, повинен... Точно так же, как с любого начальника спрашивают за безобразия в его хозяйстве... Впрочем... Работал я когда-то при коммунистической власти на заводе „Хитромаш“. И парторг коммунистический в нашем цехе был – как же без него, любимого. Так вот, когда цех доблестно план выполнял, то первым нахваливали того парторга и премию повышенную ему в карман. А когда менее доблестно не выполнял, а такое тот и дело происходило, – кто угодно виновен был – только не парторг. Так что, виноватых тоже надо умеючи подбирать и знать, кого хвалить». «Послушай, что это за коммунистический парторг?» – наморщил лоб Любопытный, изогнувшись знаком вопроса. «Стыдно не знать бывших героев! – выпрямился восклицательным знаком Знающий, – парторги в то время были только члены партии, тащившей народ к светлому будущему коммунизма. А что такое коммунизм, строго говоря, в будущем? Это подобие рая небесного на земле, но поинтереснее. В раю души праведные только в духовности и пребывают, насколько мне известно, – скучно, понимаешь. На земле совсем другое дело... Но есть и у рая, и у его подобия одно общее: и то, и другое – мистика. Синоним: коммунизм – мистика и рай – мистика. Назвать партию райской для истых коммунистов – кощунство. Назвали коммунистической, но это то же самое, что назвать коммунистической: кому мистика – пожалуйте за нами!» И Знающий превратился в нечто потустороннее.

Глава VI. История одного предательства или «Одна голова – хорошо, а с туловищем – лучше»

Картина происходящего уже не напоминала живописное полотно Малевича «Чёрный квадрат», которое можно толковать так, кому как видится или не видится вообще. Всё было ясно: градообразующий Завод по волеизъявлению своего генерального образует и конфликт у себя под боком. При помощи ручных депутатов, как ручных гранат. Обладая гипертрофированным самолюбием, самолюбованием и амбициозностью, оставшимися со времён господства Политбюро Правящей партии, Егорищев, умудрился подорвать репутацию Завода на долгое время. Мэр рассказывал на оперативках, как министры Российской Федерации, уже готовые помочь Заводу с поставкой ему нефти, мгновенно шарахались прочь, чуть ли не крестясь на ходу, узнав, кто им руководит.

Мэр, насколько это было возможно, пытался положение исправить. Чем хуже работал Завод – тем меньше шло от него налогов в бюджет, и без того не очень-то обильных, – тем хуже приходилось городу – тем тяжелее его главе, на которой одна за другой росли разнообразные шишки.

«Выходит – мэр действовал своекорыстно – старался облегчить себе положение, – ухмыльнулся Любопытный. – А он, может быть, напраслину на Егорищева возводил?» «Угу», – мрачно покосился на него Знающий.

Позднее, незадолго до своего ухода с поста мэра, Волик говорил: «Допускались ли мной ошибки? Конечно! Иначе и быть не могло. Ведь мы делали совершенно новое дело, которое до нас не делал никто. Самой главной своей ошибкой считаю то, что не сумел убедить бывшего руководителя Завода вступить в интегрированную нефтяную компанию в 1992 году, когда это было наиболее выгодно для Завода. Из-за этого потом пошли все беды нашего градообразующего предприятия и, соответственно, всех предприятий района, и даже Дзержинского промузла».

Волик был прав. Перед администрацией, им руководимой, встали проблемы и задачи такие, что и не грезилось в кошмарах начальству прежнего, разлинованного социализмом, хозяйства. Страна вошла в мир совсем иной – необычный для неё, из которого исчезло то, что было, и не вполне понятным представлялось то, что будет. Администрацию и её «чиновников» стало не только очень можно, но и модно – просто необходимо как угодно критиковать, в лучшем случае, а в более применяемом – поносить, ругать, пинать, поливать помоями и нечистотами, издеваться. Такой «стиль общения», может быть и преследовал какую-то благую цель, по мнению таким образом «общающихся», но превращал жизнь администрации в вечную склоку и попросту мешал работать.

Когда председателем Земского собрания оказался избранным Святослав Петрович Плохин, преподаватель истории в сельской школе и литератор по увлечению, Егорищев, говорят, что-то весомое ему пообещал, едва ли не пост мэра в случае победы над Воликом, и привлек на свою сторону. Амбициозности у Плохина оказалось предостаточно и своей. Между Земским собранием и администрацией района началась самая настоящая холодная война «по образцу и подобию» происходившей между Верховным Советом и Президентом страны. Только в миниатюре и без обстрела «белого дома». Возможно, лишь потому, что в распоряжении той и другой стороны не имелось танков, а также из инстинкта самосохранения – обе противоборствующие силы располагались в одном здании.

Среди противников мэра вдруг очутился и его заместитель Антон Демьянович Андреев. Событие это свершилось неожиданно – нежданно – до него «перебежчик» слыл, да и был, верным соратником Волика и подтверждал это активными действиями. Причины перехода Андреева в стан Егорищева не известны, но поговаривали, будто бы он и его чем-то прельстил. Всё возможно в этом мире, но в такое верилось с трудом.

Внешне Антон Андреев очень похож на киноартиста Тараторкина и сложением, и лицом. Под лицом находился высокоинтеллектуальный ум, общительный характер и опыт аппаратчика: он, как и многие новые лидеры, происходил из обоймы райкома комсомола. Впервые Андреев продемонстрировал свою отделённость от мэра на одной из его предвыборных встреч с избирателями. Волик вышел на сцену дома культуры «Октябрь», сел на предназначенное ему место и пригласил своего зама присоединиться к нему. Антон Демьянович, сидя в зале, громко, спокойно, с оттенком вызова и иронии, ответил:

– А мне и здесь хорошо!

В зале прошелестело удивление. Кто-то негромко хохотнул. Пустячок, кажется: подумаешь – отказался сесть рядом с мэром, своим начальником, но многозначительный. Волик внешне никак не прореагировал на выходку зама и за всё время встречи к нему больше не обращался и, кажется, даже не видел. Рядом с Андреевым сидела Вероника Сергеевна Датева, директор клёвского департамента культуры...

«Это ещё что за персонаж? – пожал плечами Любопытный. – Ведь директором департамента культуры был Рыжин». «Был да сплыл, – уточнил Знающий. – Датева... Очень, кстати, симпатюшка: фигурка, бюстик, ножки, личико... Цимус! И вот этот, то бишь эта, цимус работала в том же департаменте под крылом Рыжина. Некоторые говорили – за пазухой, чуешь завязку?» «Чую, но не очень: кто кого повязал?» – принял Любопытный свою любимую позу знака вопроса. «Погоди – узнаешь. Так вот, работала она, работала за пазу... Тьфу, под крылом Рыжина и начала под него...» «Ложиться!» – хлопнул себя по ляжке Любопытный. «Пошляк ты поперечный, – перечеркнул его взглядом Знающий. – Не ложиться, она замужем была, а подкапываться. У всякого начальника есть какие-нибудь недоработки, по-аппаратному говоря. Вот прелестнейшая Вероника и принялась их преувеличивать, да ствол подтачивать... Потом люди говорили: ма-алюсенькая мышка точила – точила дерево – оно и рухнуло. Рухнул и Рыжин. Не без и своей помощи, говорят... „И как мухи тут и там ходят слухи по домам...“ Интересное, между прочим, выражение „выпить не дурак“: если выпил, то не дурак, а если не выпил – дурак, выходит?» «Это ты меня спрашиваешь?» – полюбопытствовал Любопытный. – Так выпей – я посмотрю...» „Не спрашиваю – это называется риторический вопрос. В общем, сложили всё вместе про Рыжина и – мэру на стол. Мэр дунул и – нет Рыжина, как директора департамента. Вместо него царицей воссела госпожа Датева. И оказалась на месте. Во всех смыслах: и как руководитель, и как профессионал, хотя по профессии-то её этого, вроде бы, никак не могло быть: она спортсменка – фигуристка. Что между культурой и физкультурой общего? Всё в своём роде – культура... Но, надо полагать, что и призвание. При ней культура в районе... Нельзя сказать, что расцвела, но и не завяла. С мэром она поладила быстро и эффектно: умом, прежде всего, но и лестью, кокетством, женственностью, лежала...“ „Я же говорил!“ – засветился Любопытный. „И опять ты, пошляк перпендикулярный, – пристукнул Знающий. – Лежала душа его, мэра, к ней, а её – к нему. В том, что люди срабатываются, нет ничего дурного... Да, признать надо, болтали, что и не только душа... Но это к делу не относится. Всё было прекрасно по службе, и у мэра с Андреевым, и у Волика с Датевой, да вдруг они взяли, Антон и Вероника, да и влюбились друг в друга. Семейный финал: оба разошлись. Она – с мужем. Он, соответственно, – с женой. Та в слёзы, тот в ярость. Бесполезно. Любящие официально поженились. И поехали в свадебное путешествие вокруг Европы на роскошном теплоходе... Хорошо? Ага. Только стоимость этого круиза была больше зарплат обоих путе-

шественников в несколько раз вместе с отпускными – «чиновникам» в те времена платили зарплату не очень-то. Чисто случайно круиз влюблённой парочки совпал с переменной их отношения к Волику. Вероника внезапно презирала мэра настолько, что открыто говорила: «У мэра крыша съехала напрочь!»

Видимо, результатом «съехавшей крыши» стало то, что мэр заподозрил в путешествии Андреева скрытую взятку за какие-то услуги: кто-то таинственный оплатил всю стоимость круиза. Мол, кто как взятки берёт: кто деньгами напрямую, кто «щенками борзыми», кто, вот, путёвками на круиз. Как Антон Демьянович ни доказывал свою чистоту – мэр не поверил... Или сделал вид, что не поверил, или если бы не позиция Андреева, то закрыл бы на сомнительный круиз глаза, или посмотрел бы на него сквозь пальцы, или ещё чего бы нибудь сделал, но оставил своего зама на месте его... Хотя бы для пользы дела. «А не приревновал мэр зама своего к Веронике – заместил, дескать, меня в делах любовных?» – ухмыльнулся Любопытный. «Всё-то ты к сексу сводишь, – подсадовал Знающий, – Не таков был Волик, чтобы предаваться пошленьким интрижкам на глазах у всего города, где все всё про всех...»

В то время я уже работал в администрации, но воспринимался в ней либо белой вороной, либо былым же грачом, либо чёрной чайкой. В аппаратах партийных не крутился, в комсомольских лидерах не числился, исполкомовской каши не ведал, всю жизнь работал на производстве – в интригах «дворцовых» профан полный. И не интересовался ими. К тому же только что заступил на новую должность – не до подковёрных упражнений. Кроме своих дел ничего не замечал. Поэтому угодил в интересную ситуацию, едва не последовав вслед за Антоновым куда подальше от мэрии.

С ним у нас сложились хорошие деловые отношения. Должность заместителя главы администрации позволяла ему помогать в сложных вопросах, и он помогал – сам носил мои бумаги мэру на подпись, что-то подписывал лично. С Датовой проводили совместные мероприятия, терпеть не могу этого слова, но привычка сильнее даже нелюбви. Частенько устраивали совместные заседания за круглым столом... И вот однажды получаю приглашение на празднование Дня культуры в универсальный пионерский лагерь «Сосенка»...

«Почему пионерский лагерь – и универсальный?» – высунулся Любопытный. «Потому что он не каждый день пионерский. Бывает, что даже пионеры учатся в школе. Ну, а когда их, пионеров то есть, не стало, то и название лагеря оказалось ни к чему. Короче, там устраивали банкеты по самым различным поводам и случаям, к пионерам никакого отношения не имеющих», – и Знающий сунул в правый карман красный галстук, неведомо как очутившийся в его левой руке.

С удовольствием приглашение принимаю и в назначенное время выпрыгиваю из боевого служебного «уазика» на землю универлага. Уголок не сказать, что райский, но и на ад не похож, – хорош. Высокие сосны и берёзы создают впечатление величия и мудрости природы. Под ними и человеку кстати бы помудреть. Опрятные домики окружают подобное дворцу здание столовой-кафе-ресторана. Вхожу внутрь. Усаживаюсь за стол. Вижу перед собой председателя Земского собрания Плохина, а вокруг себя не обнаруживаю никого из коллег – директоров департаментов: я, «по протоколу», должен был бы находиться среди них. Но – ни одного. Сохраняя бодрый вид, впадаю в задумчивость: почему и с чего бы такое могло стать? Таким уж далёким от мэрских подковёрностей я не был, кое-что слышал об изменениях в настроении мэра, но не придавал им никакого значения: мало ли в каком настроения сам бываю – к делу это относиться не должно. Но, как видно, так считали не все. Точнее: все считали иначе, кроме меня. Видать – далеко и глубоко зашла конфронтация. Плохин, противник Волика, тоже при-

глашён и вот он здесь, я нос к носу с ним, и – никого из руководителей администрации ни справа, ни слева от носа моего. Я – в «стане врага». И не в качестве Штирлица...

Стол великолепен, лампы сияют, светятся лица работников департамента культуры, сидящих за превосходным столом под сияющими лампами. Атмосфера праздничная. Внешне. Но что творится в душе четы Андреевых? Ведь приглашён был наверняка и мэр – в первую очередь. Волика нет и, стало быть, нет его свиты или команды, попримечнее сказать. Один я. Из команды таким образом выделяюсь, из ряда вон выхожу. Что делать? Уйти – продемонстрировать холуйство. Это недопустимо совершенно. Остаюсь. И, когда подошла моя очередь, произношу поздравления, не слишком оригинальные:

– Уважаемые дамы, господа и товарищи!.. Обычно говорят, что хотят поздравить собравшихся с праздником. Я не только этого хочу, но и на самом деле поздравляю. Тем более, что есть с чем. Ваш департамент можно справедливо назвать кораблём, на котором служит великолепная команда профессионалов высокого класса под руководством прекрасного капитана – Вероники Сергеевны. Счастливого и долгого вам с ней совместного плавания!

В перерыве, когда окружающие прыгали от восторга, музыки и выпитого, ко мне подошли Антон Демьянович и Вероника Сергеевна:

– Ты один пришёл из всей администрации. Приглашали всех директоров и самого Волика, само собой. Все знают, что мы в опале и – результат. Тебе спасибо. Не побоялся.

Ничего не оставалось как скромно потупить глазки и ответить на рукопожатие. Сказать, что пришёл я, просто не зная о придворных правилах следовать примеру государя, не решился. Вопрос: как бы я поступил, загодя зная о решении ни мэра не принимать приглашение, ни его... Хочется сказать челяди, но это было бы несправедливо: директора департаментов челядью не являлись ни в коем случае – они просто проявляли солидарность со своим начальником, как единоклубная команда... при одном отколовшемся, с одной стороны, и как бы не прикнувшегося с другой.

Следующий рабочий день приходился на понедельник, как такое и случается после воскресенья. По понедельникам происходят оперативки в кабинете мэра. На них обязаны являться все директора департаментов и те, кого мэр распорядился пригласить для разбора «полётов» или просто для дела. По должности своей назывался я не директором департамента, а начальником управления, но наравне с директорами сидел вдоль длинного стола, на торце коего находился мэр. В мэре находилось его настроение. Оно так или иначе выливалось или выплёскивалось, или на всех собравшихся оптом или, так сказать, в розницу.

Скрывать не стану: было щекотливо интересно посмотреть на реакцию мэра в мой адрес – если таковая последует. Простое, казалось бы, дело – придти на званый вечер или не придти – вольному воля, в обыденной жизни обыденных людей. В районной же администрации – наследнице обычаев аппарата Правящей – «аура» совсем иная. Никто мне ничего перед оперативкой не говорил, но по некоторым признакам можно было догадаться: все знают, где я был вчера, и ждут, что будет. Поздравляя себя с большей предусмотрительностью со своей стороны.

А ничего особенного не произошло. После перечня и разборки дел текущих Волик, не отрывая взгляда от лежащих перед ним бумаг, спросил, как бы между прочим, управляющего делами мэрии:

– Ну, кто вчера на вечере у Андреевых был?

– Начальник управления по делам молодёжи, спорта и туризма Козлов.

Мэр помолчал с минуту среди любопытствующей тишины и, по-прежнему не отрывая лица от бумаг и многозначительно шелестя ими:

– Ну, что же... Андреев знает кого приглашать... А Козлов знает, к кому приходиться. Это его личное дело... От других отличное...

Так значит – «Штирлиц» среди тех, кто был на празднике культуры, всё-таки имелся, всё и всех видел и кому следует доложил для «информации к размышлению». Чин по чину.

И Волик интерес проявил. Не праздный. Не всё равно ему было. И размышления имел, но не высказал. Пока. Что ж – логично и мэру знать настроение своих подчинённых, и их потенциальную способность к действиям вопреки его мнению. На заметочку взять и в копилочку положить – на будущее.

За Андреевыми накоплений в копилочке прегрешений набралось предостаточно: из числа служащих мэрии оба исчезли. Вместе с ними исчезли и многие их дела на пользу города...

– «Так кто же кого предал: мэр Андреева или Андреев мэра? – нарушил скрежетом пальцев в собственном затылке тишину своего молчания Любопытный. – Клятву верности Антон Демьянович мэру не давал – значит, и не нарушал её и, следовательно, не предавал. А вот Волик Андреева с самого начала оценил по достоинству, назначил своим первым заместителем, пользовался его умом и способностями прекрасного организатора и потом вдруг взял и лишил себя и свой город тех, кто мог бы сделать для него много полезного – предал интересы дела». «Логика у тебя сокрушительно железная, как липовый гранит», – сплюнул в урну Знающий. «А это ещё что за вещество: «железнодорожный гранит?» – растерялся Любопытный. «То самое, которое предаёт само себя: когда надо – гибкое и нержавеющей, когда надо твёрдое, а когда нужно – цветёт один раз в году. Понял?» «Не больше, чем ты», – с независимым видом растворился в воздухе Любопытный.

Глава VII. История перерождения России от мала до велика

В начале 90-х годов прошлого века модны были слова о том, что возрождение России начинается с малых городов. Спорить с неоспоримым никто не тужился, а если кто и сомневался, то помалкивал, ожидая развития дальнейших событий и в малых городах, и в столице, чьё возрождение, надо полагать, должно было начаться только во вторую очередь.

События в Клёве продолжались в полном соответствии с кем-то разработанным сценарием, где роли распределялись по должностям и симпатиям, с долями талантов. Главным образом абсолютно независимым народным депутатам, не забывающим время от времени пафосно говорить, что за их спинами столько-то тысяч, называлась впечатляющая цифра, человек, почему-то за их спинами отсутствующих.

Одним из спектаклей стала очередная сессия Горзавета. Главной повесткой дня её провозгласили утверждение новой структуры администрации района, предложенной мэром. Единственным автором её он же и являлся. Все руководители подразделений администрации должны были от него впервые и услышать: как, с кем, где и каким образом они будут работать. И никто из пришедших на сессию не знал: абсолютно и совершенно случайно день сессии совпал с днём рождения мэра.

«Дневник. 31 мая 1993 г. Сессия, ожидавшаяся очень бурной, и даже буйной, с грандиозным скандалом, прошла удивительно гладко и спокойно. Структуру, предложенную мэром, утвердили почти без споров. Только в самом начале работы популярный депутат, он же легендарный и неповторимый Липин пытался снова внести в повестку дня вопрос о доверии к мэру «в свете последних публикаций» газеты «Маячок», скромно имея в виду свою собственную антимэрскую статью. И внёс. За недоверие Волику проголосовало иногда правое левое меньшинство: два депутата. Даже непримиримая Былигина, настойчиво добивавшаяся всего за несколько дней до сессии ликвидации должности помощника мэра по экологии, внесённой в структуру, ни звука не гукнула против. Более того – вышла на сцену с громадным букетом цветочков поздравлять мэра с днём рождения. И сделала это не без кокетства. Заводская группа безмолвствовала.

Думается, что причина неожиданной тишины да глади – поездка мэра к гендиректору Завода. Переговоры прошли успешно, какие-то соглашения были достигнуты и, вероятно, группе «заводских» депутатов дали соответствующие указания: боевые действия прекратить – перемирие. Та же Былигина и на Малом Совете говорила о Волике очень миролюбиво и сочувственно: «Не надо выкручивать мэру руки». Что ж, отрадно видеть замирение, да продлятся его дни «ныне и присно и во веки веков».

Улучшению и оздоровлению взаимоотношений между самой непримиримой частью депутатов радовались и в Горзавете, и в мэрии. Руки жали друг другу – поздравляли. Вражда всегда мешает и нормальной, и плодотворной работе: никто никогда не видел явлений обратных. Кроме того, она тащит на себе, как иглы дикобраза, множество побочных последствий, скажущихся в скором будущем не в пользу депутатов. Но и не в пользу мэра.

Долгого «замирения» не произошло. Вскоре страсти и сопровождающие их мордасти, шарахнули по городу с возрастающей силушкой. Причиной стали не столько какие-то ошибки или не слишком гениальные распоряжения мэра, сколько амбиции оппозиции. Количество оппозиционеров возрастало. Сказывались и события в стране, и настроения коммунистов, свя-

занные с этими событиями, и их сторонников, а их было не мало среди ветеранов и руководителей предприятий.

Волик, несмотря ни на что, старался оставаться объективным и относиться ровно к представителям всех политических и общественных движений в городе, не выделяя никого. Не раз он подчёркивал такое своё отношение на оперативках и доказывал действиями: отказал «демократам» в их притязаниях на руководящие посты в мэрии, не тронул клёвское отделение Союза офицеров – пошёл поперёк указа президента России.

«Дневник. 13.12.1993 г. Союз офицеров специальным указом Ельцина запрещён после трагических октябрьских событий в Москве. Но Гудкин, управляющий делами мэрии, сказал: мэр разрешил сохранить в Клёве здешний Союз офицеров. Дескать, то в Москве запрещено, а здесь – можно...»

Волик на риск пошёл вполне сознательно – ни к чему ещё более обострять ситуацию в городе, настроив против себя ещё и офицеров – ведь всё равно оппозиция истолковало бы распоряжение деятельности союза прекратить инициативой мэра: распоряжение-то по городу он бы подписал. И Союз офицеров в Клёве продолжал благополучно быть. Именно быть... Вот ещё одна запись в дневнике.

«Заходил Французов, невероятной активности член Союза офицеров, сетовал на то, что их Союзу не дают помещения в мэрии и люто клял власть, не дающую им землю под картошку – выделить выделили, но совсем не там, где бы им хотелось... Однако, после того, как клёвское отделение Союза офицеров, клятвенно пообещав, не оказало никакой помощи в подготовке к празднованию Дня Победы, сочувствия к посаженной ими не там картошке нет».

Эта запись сделана в то время, когда я ещё был депутатом Горзавета, членом Малого Совета, председателем постоянной депутатской комиссии и «прочая – прочая». В том числе занимался и организацией празднования 48-й годовщины победы над Германией в составе городской комиссии по организации этого праздника. Естественным, обязательным и непременным представлялось участие в подготовке этого воинского праздника и Союза офицеров – в нём состояли многие фронтовики.

С детских лет 9 мая оставался праздником нашей семьи и моим лично: день Победы мы, отец, мама и я, встретили в городе Мезеритц, войдя в него ещё в апреле 1945 года вместе с частями Красной Армии. Захотелось провести этот праздник как-то особенно – не по шаблону, чтобы запомнился фронтовикам. Придумал в деталях сценарий. Предложил его депутатам и администрации. Одобрили. Хочется думать, не только потому, что автор занимал некие должности в органе представительской власти, а потому, что сценарий, кажется, получился интересным. По нему за час до начала празднования на площади Мира фронтовики собирались возле здания мэрии под транспарантами с названиями всех фронтов Великой Отечественной войны и шествовали по улице 40 лет Октября до площади Мира колонной. При вступлении их на площадь звучала торжественная мелодия хора «Славься, славься ты, Русь моя! Славься ты, русская наша земля!» и – звон колоколов. Перед трибуной фронтовики стояли под знаками фронтов, где им приходилось воевать...

Торжественно было задумано. Зрелищно и, казалось, эффектно... С одним только но: предполагалось, что во время шествия фронтовиков по улице горожане будут приветствовать их – победителей, естественно. Но граждане на улице не проявили к шествию никакого видимого интереса. Подумалось: надо бы учеников школ привлечь – выстроить вдоль тротуаров, велеть махать флажками и цветы дарить. Не хотелось искусственности, а департамент образования не додумался, наверно, да и не знал, что нужно додумываться.

Тот же Французов заверил во всенепременнейшей активнейшей помощи и привлечении других членов офицерского Союза к такому святому, как день великой Победы, делу и... Исчез надолго и таинственно. Вплоть до 9 мая его не было ни видно, ни слышно.

Вопрос о помещении для Союза офицеров не представлялся не решимым – нашли бы обязательно. Но вот грянули неожиданные чрезвычайные события первогомайского дня в Москве. Союз офицеров устроил там самое настоящее побоище совместно с коммунистами и российскими нацистами. Били по головам даже флагштоками с прибитыми к ним красными флагами – кадры с этой жутью показывали по телевидению не раз. Избитыми оказались около шестисот человек... Предоставить Союзу офицеров комнату в здании администрации района после такого впечатляющего всероссийского скандала никто бы не решился, даже если бы захотел. Тем более после указа о полном запрещении какой бы то ни было деятельности этого союза. Вскоре вышел и категорический закон: никаких штабов, приёмных и кабинетов каких бы то ни было политических партий и общественных объединений в помещениях муниципальных учреждений быть не должно. (Этот закон ещё придётся вспомнить...)

Члены клёвского отделения Союза офицеров стали одними из самых непримиримых и агрессивных врагов первого мэра. Несмотря на своё к ним не только терпимое, но и доброжелательное отношение, Волик не удостоился симпатий официального Союза. Для его тогдашних членов он олицетворял собой власть «демократов» – противников коммунистов. Поскольку коммунистами являлись и они, то соответственно распределяли и свои симпатии: хорошим мэром мог стать только коммунист, любой демократ – только плохим. Правда, среди «демократов» в кавычках многие из тех, кто считался демократами без кавычек, таковыми на самом деле не являлись. До своего «одемокративания» многие были «верными ленинцами», а многие в душе, да и в действиях, и остались таковыми. Волик тоже состоял в Правящей, но вышел из её доблестных рядов добровольно – как это сделали многие её члены. Быть членом партии и быть настоящим идейным её бойцом – всегда было не одно и то же.

Волик какое-то время находился в товарищеских отношениях с Ефимом Немцыным. Послухам. Насколько они были товарищескими, более достоверной информации от слухов не поступало. Несколько раз мэр присутствовал на областных заседаниях демократов. Скорее из любопытства – тесного делового контакта с ними не имел. Не наблюдалось его близости и с коммунистами. Волик добросовестно исполнял требования закона: глава администрации региона не вправе отдавать предпочтения ни одной из политических или общественных организаций. Впрочем, не столько из уважения к закону, сколько из личных убеждений.

Ожидать от этого повествования о первом мэре Клёвского района подробного и детального рассказа обо всех сторонах официальной и не официальной деятельности Владислава Ивановича Волика не нужно – не будет. Достоверных фактов у автора нет, как нет и желания заползть во все извивы и закоулки закулисных делишек мэра, даже если таковые и имелись. Слухи и домыслы, как бы увлекательны они ни казались, – есть только слухи и молва. Факты же бывают часто увлекательнее даже самых удивительных невероятностей, происходивших в одном из городов России в переломный период её истории. Нечто подобное творилось и вытворялось и в других городах Верхнестаргородской области. Газеты сообщали об этом оперативно. Вот только ни сравниться с количеством всевозможно и разнообразно отрицательной информации о событиях в Клёве, ни угнаться за ними, не мог ни один район. Город прославился на всю Россию – статьи о первом его мэре, одна разгромнее и язвительнее другой, печатались даже во всероссийских газетах, поражая воображение добрых россиян. На людей тарачились с ужасом, едва узнав, что живут они под кошмарным гнётом страшного кстовского мэра, которым впору пугать не только детей, но и слабонервных взрослых.

Политическая обстановка в Клёве органично вписывалась в нервную ситуацию страны.

«Дневник. 22.09.1993 г. Вчера вечером слышали и видели по ТВ выступление Ельцина и его обращение к народу. Указом президента упразднён Верховный Совет и съезд нардепов Российской Федерации. Деятельность депутатов прекращена для устрашения и кризиса власти. Назначен срок выборов нового парламента: 12 декабря.

Шаг Ельцина вполне логичен – с его позиции. Верховный Совет в своих провокациях переборщил.

Утром включил радио. Услышал: сторонники Хазбулатова собрались за полночь, «отстранили» от власти президента Ельцина, министра обороны, внутренних дел и ещё кого-то. Руцкой скоренько кому-то присягнул, ставши таким образом вроде как «президентом России». Так что с утра сегодняшнего дня Россия ославилась аж двумя президентами: один избран народом и получил доверие его на референдуме, другой – назначен упразднённым Верховным Советом.

Мэр по этому поводу выразился кратко: «Бардак. И добавил: «На х.. мне сдался этот Руцкой».

На улице всё спокойно. Никаких внешних изменений нет.

Председатель клёвского горзавета Лапкин позавчера уехал в Китай вместе со своим другом Форсовым. Весьма удачно выбрал время...

Вчера ходил к директору «Академии румбо» по вопросу о чемпионате мира по румбо. В мэрии города, где этот чемпионат состоится, нет о нём никаких официальных документов. Абсолютно никаких!

Директор, Г. М. Бодриков, отказался давать мэру какую-либо информацию в письменном виде. Весь на Волика разобихжен и весь он мэром возмущён «насквозь и даже глубже». И в самом деле: как это, понимаете, так – мэр не верит ему на слово и зачем-то какие-то бумажки от него, Бодрикова, требует! Возмутительно! А ещё мэр поддерживает лютого врага Бодрикова – Ясина, четырёхкратного чемпиона мира и по совместительству – «мафиози». Любит мэр коммерсантов и «мафию». А «мафия» – это тот же Ясин, Медвянин, Веснягин и другие призёры чемпионатов – ученики самого Бодрикова).

Доводам, что амбиции можно бы оставить на потом, а сейчас не стоит осложнять ситуацию перед чемпионатом, чтобы провести его на высшем уровне, не внял.

После доклада о результатах визита к Бодрикову мэр с досадой махнул рукой и изрёк: «Редиска он, хоть и школу румбо построил».

«Невероятные слова приходится слышать, – озадаченно потерял себя за правое ухо левой рукой Любопытный. – Как это так, чтобы у главы города – и никакой информации? А что вообще нужно знать, и зачем, мэру о спортивном соревновании в деталях, если проводит его не городская администрация, а „Академия спорта“?». «Слова невероятными быть не могут в принципе – могут быть невероятными действия, о которых говорится словами, – назидательно поднял палец к потолку, призывая в свидетели небо, Знающий. – Речь не просто о каком-то соревновании, а о чемпионате мира. Происходить он будет на территории города – его, город, нужно соответственно подготовить. Приедут люди забугорные, журналисты, официальные представители... А глава города знать не знает ни какие страны примут участие, ни сколько их – этих стран и участников из них. Одни лишь разнообразные слухи из десятка уст. Бодриков – мужик авторитетный, но и увлекающийся: может сказать, что приедут спортсмены из сотни стран, а на самом деле из тридцати... Мэр города, наконец, и открывать этот чемпионат должен. Иначе журналисты что-нибудь не так поймут, да и неприлично, как-то, чтобы мэр города оставался в стороне от мероприятия всемирного масштаба, в его городе происходящего. Это странное явление может и на престиж страны повлиять не в лучшую сторону: вот, мол, какие русские безалаберные».

Но, тем не менее, всё оставалось по-прежнему: мэр находился в полной информационной блокаде. Бодриков держал глухую и немую оборону: не желал ничего ни слушать, ни говорить. Официальные запросы со стороны аппарата администрации – ноль внимания. Запрос за подписью мэра – фунт презрения. Под фигурным вопросом оказалось даже приглашение главы администрации на церемонию открытия чемпионата.

Бодриков демонстрировал свою полную независимость от города. Гарантией её был могущественный генеральный директор Завода – главный спонсор «Академии». Его славным именем Бодриков даже назвал своё детище: долгое время на нём красовалась броская вывеска: «Всемирная академия румбо имени Егорищева». К искренней потехе губернатора Ефима Немцына. Он даже сфотографировался на её фоне. Этот повод для иронии губернатора вряд ли следует отнести на счёт наивности директора академии. Это был его тонкий дипломатический ход – польстить тщеславию того, чьим именем академию называли. Егорищев мог бы и потребовать снять вывеску с его фамилией, но этого не сделал. В трудное время ручку дающего можно и поцеловать – для пользы дела, чтоб щедрее была и не оскудевала.

Волик, утратив терпение и наплевав на личные амбиции ради престижа страны, решился приехать на территорию «Академии» в сопровождении начальника милиции сам, без приглашения. Их обоих... не пустила охрана «Академии», довольно грубо показав от ворот поворот в буквальном смысле. (В скобках: охрану своей территории директор академии подчинил только себе, как внутреннюю охрану Ватикана. Некоторые «Всемирную академию» так и называли: клёвский Ватикан). Оба потрясённых первых лица города едва не потеряли свои лица и с трудом оправившись от шока: не впускать куда бы то ни было внутри им подопечных территорий! Возмущению, казалось, не будет конца и края. Но нашлись и конец, и край: мэра всё-таки милостиво на открытие чемпионата пригласили...

Кстати сказать, в упоении от своих мировых достижений, и титула всемирной, команда Бодрикова вполне искренне считала: все, без исключения, политики мира, региона, области и района выступают на открытиях крупнейших спортивных соревнований только лишь с единственной тщеславной целью: примазаться к грандиозным лаврам великих спортсменов, прилепить на себя хоть единый листочек с их венков сияющей славы, как банный лист после парилки.

Пучились и вскипали клёвские страсти вокруг чемпионата и прочие бои местного значения, в Москве решалась судьба страны... Параллельно им клёвские депутаты должны были как-то прореагировать на поражающую ситуацию в верховной власти...

«Дневник. 22. 09.1993 г. В 10 часов назначено расширенное заседание Малого Совета. Приглашены руководители предприятий, ФСБ, милиции... Вёл заседание Постин – заместитель председателя горзавета, уехавшего развезаться в Китай. Зал заседаний почти полон.

Постин и начал. Усунув взор во вспомогательную бумажку, изложил, как смог, то, что и как понял на вчерашнем заседании областного Завета. За ним говорил Волик. Его речь была гораздо более содержательна и аналитична. Видно: он хорошо ориентируется в происходящем. В частности, депутаты Верховного Совета от нашей области намеренно не поехали в столицу на съезд, хотя машины им были забронированы.

Да, чуть было не забыл... Уж если на заседании присутствовал, а он присутствовал – как пропустить такое, легендарный депутат Липин, то уж он-то взять слово первым был просто обязан перед «лицом своих избирателей, стоящих за его спиной». Разумеется, по повестке дня. Естественно – опять о мэре. Конечно – опять о доверии к нему, злодею. Депутаты предложение не приняли.

После Волика на трибуну поднялся эмоциональный Денис Николаев. Пытался на чём-то подловить мэра, настаивал на признании неконституционности указа Ельцина и на необходимости чуть ли не поклясться в верности Верховному Совету.

Выступил и взвешенно мудрый, как всегда, Постригуч. Предложил поддержать решение сессии областного Совета: ввиду пагубного для страны двоевластия указы сверху исполнять только после их ратификации в областном центре.

В зал пришли активные коммунисты: Матушкин, Подставников, Черепанов и другие «итыки» клёвской когорты верных ленинцев. Было сразу видно: рвутся в бой и дискуссию... Но что может решить дискуссия в данном случае? Ничего равным счётом. Только нервы взвинтит и неизвестно, во что выльется – в помойку, унитаз или бензин в костёр. Ясно только: будет что-то хреновое и не серьёзное. Но резолюцию какую-нибудь несусветную надискуссировать смогут. Не взяли бы потом Клёвский район за шиворот... Вывод и выход? Элементарно: никаких прений не проводить.

Отбросив все сомнения, быстро выхожу на трибуну. Говорю: в газете «Аргументы и факты» Гдлян предсказывал развитие событий именно так, как они и происходят «по первому варианту». Он предположил и итог: кровопролитие во всех странах СНГ, или Ельцин не удержит власть. Нам дорога Россия и мы не должны допускать кровопролития. Поскольку конституционность указа Ельцина очевидна, то не стоит дискуссировать на эту тему: «Предлагаю прения не проводить, решение областного Совета поддержать». Сел.

Взлетел донельзя возмущённый Николаев Денис. Казалось, трибуна сейчас вспыхнет от его пламенности: «Страшные здесь вещи говорят! Ишь он, какой умный, а все остальные дураки и их нечего слушать – это те, кто слева сидит (Слева от него сидел я). Эти слова меня, признаться, удивили. При чём тут «умный, не умный» я только, всего лишь, предложение внёс, а его можно и не принять, и послать...

По регламенту, как положено, моё предложение поставили на голосование и – приняли при одном голосе против. Кто-то в зале вскрикнул: «Как же так?!..»

И в самом деле: все собрались именно высказаться и послушать о происходящем в стране и вдруг, на тебе – прений не будет... Я даже усомнился: правильно ли сделал, внеся такое предложение? Может быть, лучше бы было выпустить пар?.. Нет, наверное, не лучше. Он мог бы и скопиться и взаимный раскол усилить. А так – собрание тихо и мирно вошло в деловое русло. Малый Совет моё предложение одобрил».

«Всё ясно, как дно пустой тарелки под ярким солнышком, – сдрейфил наш депутат. Вот и придумал такое предложение: ни да, ни нет, и взятки гладки. Кто бы ни победил – мы ни при чём, мы – помалкивали», – изобразил пренебрежение Любопытный. «Думаю, не так всё примитивно, как ваша милость изволит изречься, – отвесил шутовской поклон Знающий. – Политические дискуссии на уровне райцентра по вопросу лояльности к одной из враждующих сторон высшей степени власти абсолютно никакого решающего значения для судеб страны не имеют. Но вполне могли бы стать веской причиной для скверных последствий для района. В зависимости от того, которая из сторон в Москве пришлёт другую. Поговорить можно было бы, если бы разговор так и остался только разговором „по душам“. Но, скорее всего, кто-нибудь из разговаривающих предложил бы принять некую резолюцию: слушали, мол, – постановили, дескать. Противников Ельцина в зале находилось предостаточно для решения в пользу Веховного Совета. И появился бы документ – вещественное свидетельство: город Клёво противостоял президенту Ельцину – со всеми последующими результатами для города и его жителей, большинству которых на все дискуссии наплевать. Не в смысле репрессий тех или иных депутатов, а в другом: в выделении средств из федерального фонда, предоставления льгот Заводу... Избежав дискуссий – к ним особенно рвались именно противники Ельцина, депутаты исключили саму возможность появления опасного для города документа. Никто, ведь, не мог заранее знать, как поведёт себя президент после такой вздрючки. Мне кажется, депутаты поступили мудро». «Кажется, кажется, – пробурчало то, во что превратилось видение Любопытного. – Перекрестись, если... Посушеству трусы всегда мудрее смелых – больше шансов уцелеть...»

«Да и смелость мудра, если смысл в ней виден, а не „пустые хлопоты“ ценой собственной головы... Я, вот, тоже не всё понимал в Ельцине и не во всём с ним согласен был. Но ещё больше был не согласен с действиями Хазбулатова, Руцкого и иже с ними... „Хазбулат удалой, бедна сакля твоя...“ Видно же было: действия депутатов – угроза гражданской войны в России. Их необходимо было остановить любым путём... А насчёт перекреститься, то чего уж там – дело прошлое и уже давно как историческое, намотанное на ус: полезно знать и учитывать».

«Я лишаю тебя звания знающего! Что ты знаешь, если всё талдычишь „не всё понимаю“, „думаю“, „кажется“, – величественно вперил указующий перст в Знающего Любопытный. – Знающий, настоящий, должен быть твёрд в знаниях своих и уверен – в них и в себе». «Всё знать – ещё не значит всё понимать. Ты можешь зазубрить какую-нибудь математическую формулу наизусть и написать её, но не понимать её назначения. Можно читать книгу книг – Библию, знать её на память и не понимать смысла... Кстати, довольно широкое явление даже среди верующих. Она настолько универсальна, что каждый способен толковать её по-своему. „Я знаю, что ничего не знаю“ – так откровенно сказал один из самых знающих людей на земле». «Вот и тебя не назвать ли самым не знающим из всех знающих?» – ехидно осклабился Любопытный. «Возможно, ты прав, но от этого ничего не изменится», – добродушно кивнул Знающий.

Глава VIII. История борьбы без правил (продолжение борьбы по правилам)

Клёвские болельщики могли удовлетворяться созерцанием воочию или слухами и о борьбе политической, и на спортивных аренах, иногда напоминающих цирковые. В Клёвском районе обе борьбы переплелись в сложный узел, развязать который представлялось занятием заковыристым. Главным спортивно-политическим борцом продолжал оставаться заслуженный тренер СССР, заслуженный же клёвский гражданин Геннадий Михайлович Бодриков. Эта незаурядная во всех отношениях личность приложила максимум усилий для того, чтобы опорочить мэра с ног до головы, и наоборот, применив для этого занятия всё возможное из неисчерпаемого арсенала болевых приёмов и поз, вплоть до перевёртывания в стойку на голове, без подпорок.

Когда-то Бодриков, когда Волик был судьёй, обучал его тактике невооружённой борьбы с численно превосходящими силами преступного мира не только силой закона и логики головы, но и рук. Отношения между ними казались нерушимо стойкими, как пирамида Хеопса. Но вот Волик стал мэром и, в силу уже не дружбы, а службы, стал интересоваться не только приёмами борьбы, но и соблюдением законности. Тем более, что сам по профессии был судьёй, сохранив в душе, и действиях, профессиональные черты характера, присущие сей специфической специальности.

Пришло время вплотную заняться хозяйством города в целом и отдельными его сооружениями, в частности. И тут вдруг новость – государственный технический надзор установил: строительство школы румбо производится с массой нарушений множества нормативов и солидным возом недостатков. Руководство же школы не даёт ни администрации города, ни гостехнадзору ровным счётом никаких документов письменных, ни объяснений устных – полная анархия. Дело сие определилось ещё до начала работы Волика главой администрации. К выяснению обстоятельств привлечены были депутаты Горзавета – вошли в состав специальной комиссии, посвятившей себя проверке законности строительства. Проверка заглохла в самом начале своих потуг, не имея документации ни для начала своего дела, ни для окончания. Попытался и мэр: запросил у Бодрикова документы и – не получил их. Просто не получил – и всё – без всяких объяснений – как и не просил.

Вместо документов на Волика обрушился камнепад упреков и обвинений в «оказании преднамеренных помех строительству спортивного сооружения под формальным предлогом бюрократических требований каких-то бумажек», в преднамеренном подрыве здоровья клёвской молодёжи, дискредитации спорта вообще во всей России и полного уничтожения его в Клёве – в частности... Обвинения и уличения сыпались публично и в средствах массовой информации в залихватском стиле разоблачений «врагов народа» тридцатых годов прошлого века. Логика Бодрикова была проста и могуча, как натренированный мускул атлета: если требования мэра тормозят строительство школы румбо, в будущем Всемирной Академии, то таким образом наносится ущерб даже не только спорту России, но и всего мира. Как тут не требовать немедленного и самого жестокого наказания всемирному злодею. Многие верили: Геннадий Михайлович приводил факты один страшнее другого, журналисты их охотно выносили на публику с огнём, публика воспламенялась порохом и весь этот трам-тарарам производил жуткое, но эффектное, впечатление.

Чемпионат мира открылся с помпой, фанфарами и кордебалетом бедристых девушек в белых «гусарских» костюмах и белыми же барабанами на животе, красиво махавших палочками почти в такт с фонограммой барабанного боя. Мир представляли собой десятка три команд спортсменов с тем же количеством национальных флагов. При сём присутствовали

и произносили соответствующие речи губернатор Немцын и мэр Волик, «примазавшиеся» к грандиозному спортивному событию. Сражения на коврах, благополучно и пышно начавшись, так же и окончились. Новые чемпионы мира получили каждый своё: звания, медали, кубки, призы и памятные подарки – всё, положенное в таких гротескномасштабных случаях.

Мэр призадумался... Награждали призёров все, кому это положено, кроме города, принимавшего спортсменов.

– Не гоже, господа, не гоже... Надо и нам грязью в лицо не ударить. Средств у нас, правда, не очень-то густо... Но наградить и нам – наше святое, – и мэр нажал кнопку звонка на столе своём, требуя сию же секунду секретаршу. – Позовите-ка мне немедленно, Наташа, директора департамента финансов.

Главный финансист Рассолин, легко вписав своё объёмистое туловище в дверной проём, предстал перед столом мэра. Как всегда в таких случаях лицо его озаряла обаятельная улыбка. Финансисты умеют обаять при случае, особенно не из приятных.

После тщательного обследования сусеков казны, мэрия наскребла довольно приличную сумму. Не очень роскошную, но и не нищенскую. Составили список. Волик распорядился включить в него не только призёров только что отгремевшего чемпионата мира, но и тех, кто добился высоких званий в боях предыдущих чемпионатов. Без них не бывать бы ни высокого статуса спортивного Клёва, ни самого чемпионата, да и новых чемпионов его.

Казалось бы, всё справедливо и закономерно. Мэр был доволен: наконец-то к нему придут прославленные спортсмены одной из враждующих сторон, получают из его рук награды и, возможно, положат начало примирению...

Не тут-то было. Дело стопорнулось в некоей заморочке, на которые очень горазд был неповторимый Бодриков. Незадолго до чемпионата он, по каким-то одному ему ведомым причинам, выявленным его засекреченной разведкой, буквально выгнал из подопечной ему лично школы румбо шестерых заслуженных, высоко титулованных спортсменов, работавших там тренерами. Среди них и чемпионов мира прошлых лет. И четырёхкратного не пощадил – за ворота с запрещением переступить их порог ныне, присно и во веки веков...

Потеряв работу и с ней средства к существованию во всемирном масштабе – за порогом большого спорта, бывшие тренеры взялись за предпринимательство. В свою очередь и этот шаг послужил причиной публично объявить их шайкой бандитов – мафией: «Это же проще пареной репы: если предприниматель, то – мафиози. Какие сомненья?». И вот в списке мэра на премирование оказались и чемпионы настоящего чемпионата 1993 года, и чемпионы прошлых лет, изгнанные Бодриковым.

– Да это же самые настоящие мафиози! – потряс воздух над Клёвом и планетой возмущённый клич заслуженного тренера. – Чтоб ни один. Слышите, ни один! призёр чемпионата, работающий у меня, не смел ни копейки получать от этой го...й администрации. Иначе!.. Ну, вы знаете, что будет иначе, – вдруг снизил тон.

Бывает такое у него: взрыв, а потом тишина... Только кое-кто после неё не возвращается из боя... Главное ведь не столько тон, сколько то, что за ним кроется.

За ним, несомненно, раскалённым клеймом светило увольнение, если не исполнится приказ Бодрикова. Премия от мэра – явление разовое, а зарплата в вотчине Бодрикова – постоянная. Кому захочется поменять твёрдое постоянное на шаткое временное? И не променяли – не пришли за премией. Получили её только изгнанники – им терять было нечего.

Вскоре по областному телевизионному каналу «Бредень-ВС» выступил сам Бодриков. Крупным планом на экране – список премируемых спортсменов, подписанный мэром, и их росписи. Против фамилий чемпионов мира текущего года – чисто. Следующий крупный план: благородно возмущённое лицо заслуженного тренера России Бодрикова. Затем его рука, потрясающая документом с фамилиями. Гневное: мэр Волик награждает крупными премиями тех, кто не имеет никакого отношения к прошедшему чемпионату мира – преступников и мафию,

а настоящих чемпионов – не хочет. В газетах залпы статей, разоблачающих нечистоплотность клёвского мэра и его покровительство преступному миру бандитов. Многие опять поверили – как не верить заслуженному человеку, радеющему за российский спорт и вступившему в самоотверженную борьбу с могущественным мэром и вездесущей длиннорукой мафией один на один

Появился ещё один интересный вопросец. Список награждаемых и указанная в нём сумма – бухгалтерский документ районной администрации. Отдавать его в посторонние руки кому ни попадя, даже заслуженным тренерам, категорически нельзя – только с разрешения того, кому главный бухгалтер подразделения подчинён. Как мог секретный документ очутиться в чужеродных руках, да ещё и использоваться против мэра? Волик, понятное дело, заподозрил начальника подразделения администрации, руководящего спортом – только я мог заставить главбуха пойти на такой возмутительно и недозволительно преступный шаг.

Обсуждая пакостный этот вопрос на оперативке мэр так и сказал, на меня не глядя:

– Мне шпионы не нужны.

Намёк более чем понятен и прозрачен.

Но главный бухгалтер управления, Елена Ивановна, женщина опытная и порядочная, в её честности не было никаких сомнений, клялась и божилась: никому никаких документов не то что не давала, но и не показывала, да и некому было, кроме своего непосредственного начальства... В конце концов, при дотошном допросе секретарши кто к ней приходил и что делал, выяснилась полукомичная и в то же время драматическая, ситуация, достойная коллег самого Штирлица. Действительно, заглянул как-то раз к Валентине, так секретаршу звали, школьный дружок её – вместе в одном классе учились. «По совместительству» со званием дружка добрый молодец работал тренером во «Всемирной академии» и был чемпионом мира последнего выпуска. В этот злополучный момент на столе у секретарши лежал тот самый список – «лицом» верх: большая ошибка – все официальные документы должны лежать на общеизвестном столе текстами вниз – не доступные взглядам любопытных. «Лицо» документа случайно попало на глаза дружка, либо глаза его невзначай упали на него. Ба! Знакомые всё фамилии! Что бы это такое значило? Взял – посмотрел... Секретарша суровых правил бухгалтерии не знала и вообще трудилась на секретарском поприще без году неделю: ну, читает человек – что такого – не ворует же? Может, даже завидует. А человек эдак простецки попросил подружку школьную... Ни много ни мало – снять с этого документа ксерокопию. Извольте, дорогой друг. Подлинник доблестный чемпион вернул секретарше, а копию незамедлительно вручил своему шефу. Тот со злорадным восторгом за случай такой ухватился, подумав при этом: какие же дураки в мэрии работают. Мэру о деталях дела пришлось доложить, куда денешься, а секретаршу строго наказать за непростительную оплошность.

«Послушай, всезнающий ты мой: чья же это „непростительная оплошность“ – разве секретарши, если она ничего не знала о делопроизводстве в мэрии и её никто не предупреждал об элементарных вещах? Это начальника её оплошность. Или незачем было брать неопытную, или нужно было учить, как следует», – изобразил безмятежную сощуренность Любопытный. «Тут ты прав, – кивнул головой Знающий. – Только секретарша эта была племянницей вице-мэра, каковой и предложил начальнику взять её в секретарши, уверив, что она где-то там уже работала в этой должности и дело знает. А начальник и сам-то не слишком опытен был в аппаратных интригах и каверзах – работал на производстве, а там народ почестнее чинуш в администрациях и некоторых тренеров по борьбе». «На этот раз и ты не прав насчёт тренера. Он просто помог своему шефу», – построил невинную рожицу Любопытный. «Нет – не просто – он же знал, как было на самом деле... А, может быть, его и подослали?.. Под ковёр, знаешь ли, голову лучше не совать – без неё можно остаться, а толком так и не узнаешь, кто тебе её оторвал», – пригрустнул Знающий. «Угу, – соорудил серьёзную рожицу Любопытный, – если бы

знал – совсем другое дело было бы – оно как-то приятнее, когда твою голову отрывает не кто-то посторонний, а хороший знакомый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.